

18+

ПЕЧАТНИКА ГОЛОВНОГО

З ГОЛОСНЫМ ВСТУПАМ ДА

Голова Николаеву... (text is partially obscured)

На ринку... (text is partially obscured)

Сказав... (text is partially obscured)

ворота... (text is partially obscured)

Борона... (text is partially obscured)

Пройма... (text is partially obscured)

Омусов... (text is partially obscured)

Пол... (text is partially obscured)

позу... (text is partially obscured)

Морос... (text is partially obscured)

КАК ВЫГЛЯДЯТ
В ПРОШЛОМ

Вечер
ХАРЬКОВ

ЧЕТВЕРГ
4 мая 1944 г.
№ 001 (1944)

2 грн. 50 коп.

В ДЕНЬ ПОБЕДЫ В
ВЫПУСКАЮТ ГОЛУБЕЙ

Григорий Жадько

Страна расстрелянных подсолнухов

Григорий Жадько

Страна расстрелянных подсолнухов

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39826689
ISBN 9785449600868*

Аннотация

Местами скучная книга. Но не одни сопли. Если из плюсов, то автор действительно передал какие-то чувства. Если вам интересно, как человек за три месяца разуверился во всем, остался без здоровья, друзей и даже без Родины, на которую не может вернуться, то можете почитать. Когда тебя предали и продали десяток раз, и ты проиграл на этой войне, то тут уже ничего не поделаешь. Может г. герою повезет в любви. Но это такое затертое слово, что о нем автор старался вслух не говорить. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Страна расстрелянных подсолнухов	5
Прощай гражданка	18
Ласточки армейской жизни	47
Первые испытания	70
Первый бой, он трудный самый	92
Ярмарка смерти	106
Конец ознакомительного фрагмента.	111

Страна расстрелянных подсолнухов

Григорий Жадько

© Григорий Жадько, 2021

ISBN 978-5-4496-0086-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Страна расстрелянных подсолнухов

*Когда люди читают отрывки, публикуемые
в течение*

полугода, они даже не представляют себе, как мало времени ты провел на фронте и как мало там увидел.

Спасибо всем, кто так хорошо меня знает. Сразу заметишь, что я изменился. Да я изменился. Учителя хорошие. Мне здесь самому бы не сойти с ума. Многие думают, что это их лично не коснется. Спорить не стану. У каждого своя дорога к Храму. А там уж будет Бог.

Я очнулся в старобешевской больнице. Голубой свет струился сбоку. Я попробовал пошевелиться. Удивительно, но мне это не доставило неудобств. Проверил руки, ноги, пошевелил пальцами, сжал мышцы пресса. Да! Я здоров, если бы не этот проклятый лоб. «Да что же там за этой тугой повязкой, которая намотана мне чуть не до носа?!» В глаза лезут нитки от бинтов и щекочут ресницы. «Они что там офигели?! Думали, что я никогда не очнусь? Замотали и бросили!» Но собственно нитки я могу убрать и сам. Они были желтые от фурацилина. Вот так. Вот так хорошо. Но рука ослабла, не слушалась, и я промахивался. И это моя правая рука?! Она никогда не подводила меня?! Однако! Черт побери! В глазах потемнело и бросило в жар.

– Ой! Неужели?! ... Константин Григорьевич! Посмотрите!! – раздался вблизи моей кровати девчачий удивленный голос. – Наш безнадега очнулся! А вы говорили – зря привезли!!

«Это я что ли безнадега?! Это про меня она так сказала?! Что за хрень?! Какой я безнадега?! Почти цел, не считая противной болячки в голове – неприязненно подумал я. —

Главврач ушел далеко и говорил кому-то тихо, но я все же разобрал, потому что раненные не стонали.

– Нет, не стоит! Ну что вы! «Казус Инкурабилис». Какая операция! Я думаю, к вечеру наступит кризис. Будет удивительно, если парень до утра дотянет. Чудес не бывает. Мы материалисты. Если до ночи ничего не случится, скажите Варе, пусть перевезет его на каталке в бельевую. Ни к чему лишний раз остальных травмировать. Надо о живых думать.

Что отвечал собеседник, я не слышал. Видимо, он стоял спиной.

«Вот так все просто, – подумал я. – Ведь это обо мне! Что же у меня за рана такая?! „Безнадега“. Станные считалочки на знание арифметики! Операцию не хотят делать и вообще в бельевую. „Казус Инкурабилис“ – что за хрень?! Вроде была такая рок-группа. Но что это означало? Был бы инет... Была бы сила в руках! Но ничего этого нет. Надо просто смириться и лежать. Тупо ждать».

Когда я вечером пришел в себя и открыл глаза, у изголовья, стояла Варя, смотрела на меня и теребила уложенную на голове косичку. Может, она давно так стояла?! Я не знаю. Я проснулся и увидел ее взгляд, обращенный ко мне, но сквозь меня. «Але! – хотел сказать я. – Посмотри на меня. Я уже здесь», но промолчал. Мне было приятно смотреть на де-

вушку. Просто смотреть и я ничего не хотел менять. Она, наконец, встрепенулась, увидев, что я открыл глаза. Ее взгляд стал осмысленным, очевидно она мыслями была где-то очень далеко.

– При-в-ет! – сказал я почти весело, как умел говорить раньше, когда девушки мне нравились и я не лежал как бревно. Но получилось совсем паршиво. Просто промямлил, и в висках застучало. «Во! Блин даю! Ничего не могу. Даже говорить». Ресницы у девушки затрепетали.

– Хорошо, что вы проснулись! Мне так не хотелось вас будить. У нас с вами задача на каталочку переместиться, вот сюда. Вы потерпите, я аккуратно.

Она была ловкая и делала все быстро.

– Те-перь в бель-е-евую? – спросил я с замиранием сердца и по слогам.

Варя растерялась, и опустив руки по швам, смотрела на меня удивленно, непонимающе. Она ничего не говорила, и я молчал.

– Ве-зите, – наконец, с трудом промолвил я.

Варя посмотрела в потолок, и было ощущение, что она шевелила губами и молилась.

– Ве-зите Варя! – упавшим голосом повторил я. – Чего уж там.

Каталка собирала выщербленный кафель. Она аккуратно доставила меня в бельевую. Это было небольшое отдельное помещение с полками в торце, на которых лежали комплек-

ты стираного больничного белья и от которых стойко несло хлоркой.

– Откуда вы узнали про бельевую? – негромко спросила она, как только мы остались одни.

– Ан-гелы, – соврал я и вздохнул так, как будто это было совершенно естественным и очевидным.

Но к моим словам, она отнеслась абсолютно серьезно. Глаза ее расширились, брови поднялись. Она нагнулась и прошептала еще тише:

– Расскажите?!

– Мне тя-же-ло.

Она посмотрела на меня с большим сожалением и чуть суше спросила:

– Антибиотики-то мы выпили?

– Вы-пили, – послушно прикрыл я глаза.

– Я не могу послушаться главврача. Давайте заменим нательное белье.

Мой тюрбан из битов на голове, немного мешал, но она ловко подвела руки под крестец,хватила край рубашки и осторожно отодвинула ее к голове. Подняв мои руки, сняла рубашку через голову и после этого освободила верхнюю часть тела.

– Вот видите, какой вы молодец, – промолвила она и улыбнулась. – Теперь чистую.

Варя проделала операции в обратном порядке. Потом достала влажный тампон, который пах камфорным спиртом

и начала неторопливо и нежно протирать мне лицо. Ее круговые движения были ласковые, и заботливые. Спустя минуту она посмотрела на него, скривилась и выбросила в таз, достала другой и повторила операцию. Я почувствовал свежесть, прохладу утра, как будто это был огуречный лосьон.

– У вас та-кие забо-отливые руки Варя!

– Вы должны быть чистым.

– У вас такие доб-рые и нежные пальцы, – повторил я.

– Я оставляю вам ночник.

– Ночник, это самое смеш-ное в моем поло-ожении. Это для тех, кто кого-то боится.

– Вам не будет страшно.

– Мне уже ничего не стра-шно. Я то-гда вам не ска-зал, а сейчас скажу пока есть такая возможность.

– Хорошо, – она, скрипнув стулом, придвинулась ближе. – Говорите.

– Вы та-кая кра-сивая! – Я прикоснулся к ее руке, и она вздрогнула, но не от неожиданности, а ей это было неприятно. Так неприятно, когда случайно коснешься покойника.

– Извините! – я убрал пальцы и стыдливо сжав их в кулак.

– Вы хотели что-то сказать, – стараясь замять неприятный момент, скороговоркой промолвила она.

– Вы ска-жете мне правду? Что у меня, ... я хочу знать сколько мне оста-лось... я умру?

– Может не стоит?! – она приложила ладонь к моим губам..., и я почувствовал, что пальцы у нее теплые, пахли

камфарой и чуть дрожали.

Она переживала, что вздрогнула, и не смогла скрыть своего неудовольствия, и теперь в это касание постаралась вложить что-то человеческое и нежное, что не было предназначено для всех раненых. И я это почувствовал, и это дало мне силы.

– Стоит. Я вы-держу. Всю правду.

– Это будет жестоко, и я бы не хотела.

– Я сильный.

Она тяжело вздохнула и отвела взгляд, как будто что-то обнаружила на полу. Я видел только ее длинные ресницы и резкие черты лица, и тень, что падала от ее волос. Она была похожа на прихожанку из церкви, чистую и прекрасную в помыслах. Не хватало только светящегося нимба над головой.

– У вас сквозное ранение головы, – упавшим голосом промолвила девушка. – Осколок вошел в лобную кость и вышел вверх через 7 см. То, что вы очнулись и живы до сих пор чудо! Вас поэтому и на ту сторону отдавать не стали. Никто не понимает, как это может быть, но вы живы.

– Значит шан-сов нет? – задумчиво протянул я, пытаюсь вымучить неестественную улыбку.

Варя беспомощно развела руками.

– Вы сами хотели это знать. Сквозное ранение черепа ... тут ничего нельзя сделать. Я думаю и в Киеве, и в Москве, вам навряд ли могли бы помочь. До этого медицина еще

не дошла. Любой другой орган, даже сердце, поддается лечению, замене, наконец, ну а тут мы пока бессильны.

– Н-да! – я прикрыл глаза, сознавая безвыходность положения и пытаясь с этим смириться.

– Вы наверно умрете ночью, все умирают ночью. Но я вколола хорошее обезболивающее, – она подоткнула одеяло у меня в ногах, поправила подушку. – Это из наших скромных довоенных запасов, Константин Григорьевич лично выделил. Вы почувствовали облегчение?

– Когда вы рядом.

– Я серьезно?

– Это правда.

– Ну, хорошо, важен результат, – не стала она спорить и глаза ее стали совсем грустные.

Мне действительно было немного лучше. Боль не прошла, но как-то заморозилась, скрючилась, и сидела сжавшаяся у меня в голове, готовая в любую минуту распрямиться, резко напомнить о себе. Я чувствовал ее связанную по рукам и ногам, спеленатую, но некрепко, и холил ее, обходил, как любимое и капризное дитя. Пусть поспит еще немного, даст мне немного радости жизни. Но в тот момент я связывал это с девушкой, и наверно был наивен.

– Я могу еще что-то сделать для вас? – поинтересовалась она.

Я смотрел на нее и видел не Варю. Это была мадонна, что сошла с бессмертных холстов Леонардо да Винчи или Ра-

фаэля. Глаза у нее светились чудесным светом сострадания, нежности и милосердия.

– Можете! Последнее желание! ... Но боюсь, что вы не согласи-тесь, – промолвил я с небольшой паузой.

– Говорите. Какое? – оживилась она и наклонилась ближе к моему лицу.

– Вы выполните? Обещаете? – голос мой дрогнул.

– Ну, если это в моих силах, – она участливо склонилась еще ближе.

– В ваших, – проронил я, вблизи рассматривая ее челку, что лезла ей в глаза. – И даже вам это ничего не будет стоить... Но боюсь, вы откажетесь.

– Это вы на что намекаете? – недоуменно захлопала она ресницами и напряглась отстраняясь.

– Да-ааа, – подтвердил я, и замолчал.

– Что да? ... Я не поняла?! – перешла она на шепот и растеряно оглянулась на дверь.

– Хочу увидеть вас всю.

Лицо ее вытянулось, она зарделась, но ничего не ответила. Она смотрела на меня – я на нее. Порозовевшее лицо девушки, несмотря на поздний час, было свежим. Стыдливый румянец шел ей. По-детски припухлые губы ее шевелились или мне казалось. Мы переговаривались взглядами. Она говорила: «Ну что ты придумал, ... зачем... я ведь такая стеснительная, я ведь совсем не могу, и у меня никого никогда не было, и я никогда не раздевалась, это не честно просить

об этом!» А я отвечал: «Да! Это большое свинство, это выкручивание рук, это запрещенный прием, но ведь у меня сегодня последняя ночь, и это только взгляд. Он не материален».

Она продолжала молчать и думать. Работа мысли была видна у нее на лице. Так продолжалось минуту, а может быть две или вечность. Мы продолжали говорить взглядами. Она не отводила взгляд, и глаза наши телепортировали информацию туда и обратно. "Решайся Варя! – говорили мои глаза. – Что тебе стоит. Об этом все равно никто не узнает!». «Но я так не могу! ... Мы не настолько близки, ... даже не целовались, ты же чужой человек, я едва знаю тебя. Ты должен меня понять!». " Я понимаю, я все понимаю, и даже если ты сейчас уйдешь, я не обижусь, но все же ты подумай. У меня просто нет времени, а так бы я тебя не просил».

Кто-то прошел по коридору. Шаги были шаркающие и колотили о пол костылем. Это кто-то из раненых отправился в туалет.

– Значит, ответа нет... – проронил я печально, когда шаги удалились.

– Данила, – она тяжело вздохнула, и мне показалось, глаза у нее повлажнели. – Может не надо?

– Может и не надо, – безропотно согласился я и отвел от нее глаза.

– Хорошо! – наконец выдавила она из себя и опять вздохнула или даже всхлипнула, пребывая, тем не менее, в нере-

шительности.

Варя подошла к двери, приперла ее шваброй и попробовала на надежность.

...

И вдруг в моем воспаленном сознании стали возникать образы прошлого. Они нагромождались теснились, будто кто-то невидимый вращал калейдоскоп времени. Появились картинки этого года, когда я еще был здоров и все что случилось со мной этой весной и летом. Но обо всем по порядку.

Прощай гражданка

Я работал на заводе сварщиком. Меня называли сварщик золотые руки, и я этим горжусь. Ничего не преувеличиваю. Получал в отдельные месяцы больше начальника цеха. В бухгалтерии качали головами:

– Это что телефоны?

– Зарплата, – опускал я глаза. И слышал тяжелый вздох Клавдии Ивановны.

Как будто я был в чем-то виноват.

Когда началась эта катавасия, я на свои кровные 12 тыс. гривен купил помповое ружье Моссберг 500, и решил охранять митинги. Я тогда был за честность.

– У всех должно быть право услышанным, – говорил я, и глаза мои светились, я защищал проукраинские митинги. У нас в Харькове, тогда это было не безопасно. Пророссийски настроенных – было значительно больше.

– Ты русский? – спрашивали меня.

– Да русский. И что?!

Это «и что?» ставило спрашивающих в тупик. Мне многие говорили, что я херней маюсь, это полная чушь, и я еще пожалею об этом, но я твердо верил – это нужно моей стране, моему народу.

Нас организовали в пятерки. Одна машина, пять бойцов. На самом деле ездили трое. Людей не хватало. Потом оста-

лось двое. Я без устали мотался с напарником – Лехой Лысаком – на моем стареньком Nissan Bluebird и меня распирала гордость.

– Леха! Давай! Мы реальные пацаны!

– Представляешь. Засыпаю на работе. Сплю по шесть часов.

– Потом выспимся.

Площадь Театральная, Конституции, Свободы. Калейдоскоп событий, лиц, мнений, споры до хрипоты.

– Коханняя це «Love is» робити революцію разом! [Любовь это революцию делать вместе]

Каждый прав и не прав одновременно. Завтрак на бегу в сквере Победы у Абраши Молочника, а то и без него. Скорей, не терять время! Московский проспект, Сумская, Театральная, Скрыпника. Мы за новую жизнь. Долой Совок. Мы во главе. Не представляю, если бы об этом узнали родители. Но они не узнали, и думаю до сих пор не в курсе. Единственный кто догадывался, был дед по отцу Чеслав. Он был неспешный, и время с ним останавливалось, замирало, как будто прерывался темп жизни. Как-то он пригласил меня, к себе в комнату на втором этаже.

– Давай вип'ємо коньяку.

Он достал початую бутылку из шкафчика.

– Да нет, спасибо, – отказался я.

– Тебе понаравітся! Армянский! Арарат!

Он неторопливо налил две простые стопки из зеленого

стекла со стершимися золотыми ободками. Одну пододвинул ко мне.

– Тебе тоже нельзя.

– Що тепер не жить. С пенсії один раз можно.

Мы выпили.

– Ты мене нічого не хочеш рассказать?

– О чем ты?

– Ну, так... може, що случилось?

– Ничего не случилось.

– Не хочеш говорить і не треба.

Он налил еще по рюмке, и мы молча выпили.

– Я слышал, ты купив ружье. Дорогое наверно?

– Ну, так, не дешевое.

– Ты ж не охотник.

– Просто понравилось.

– Этот разговор останется між нами. У тебя все в порядке?

Все вечора пропадаєш, їдиш с оружием. С лица спав.

– У меня все в порядке.

– Тобі може, деньги нужны. Ты скажи. У мене кое-что есть, припасено.

– Зачем мне деньги?

– Я нікому не скажу, даже батьке. Просто візьми если потрібно.

– Я хорошо зарабатываю, ты же в курсе.

– В курсі. Но ты должен знать, если тобі понадобятся деньги, ты можешь всегда до мене обратиться.

– Хорошо. Спасибо. Но пока не надо, ... – я, побарабанил по столу пальцами и вздохнул. – Ну, в общем, ... Это не то, что ты подумал. Просто я хочу, чтобы в нашей стране жилось лучше.

Дед внимательно и вопросительно посмотрел на меня.

– Да, я за настоящий капитализм, рыночную экономику, а не ту пародию, что есть сейчас. Чтобы у тебя была достойная пенсия, а у меня возможность ездить по миру, и мы не прозябали в этом болоте.

– Ты думаєш, що капіталізм сделает тебя богатым? За редкісним исключением чистильник обуви все равно остается чистильником обуви, а селянину, который рве жилы на полях, ніхто не буде платити мільйони.

«Надо купить ему хорошие ботинки, – подумал я. – Правда он никуда не выходит. Но обязательно надо приобрести. Кожаные из телячьей кожи, которых у него никогда не было.»

Он помолчал и добавил:

– Може, ты решишь, що я замшелый, выживший из ума старик, но я уверен, что ні Німеччина, ні Америка, не даст лишній пфеніг на развитие України. Там привыкли їх считать.

«На Сумской я видел приличные, – вспомнил я. – Эти уж совсем никуда не годятся. Только будет ли он их носить? Смажет рыбьим жиром и положит до лучших времен».

Я не стал посвящать его в свои дела. Все-таки мы были

из разных поколений. Впереди была улица, свобода, манящая неизвестность. Разве он мог понять меня!

А ветер перемен дул в наши паруса. Дело спорилось!

Мы в Харькове не чувствовали себя одинокими. Единомышленники в столице тоже не сидели сложа руки. Горели шины на Европейской площади, ... на Крещатике были захвачены административные здания, окружен центр Киева – все были заражены вирусом свободы. Острые репортажи! Накал страстей!

Мы дорогой обменивались мнениями с Лысаком, перебивали друг друга:

– Леха слышал?!

– Да!

– А это?

– Еще вчера, а ты?

– Во блин дают!

Меня эти картины пленяли: захваченные повстанцами здания, запах горящих на площади костров, все эти люди, воодушевленные идеей свободы.

– Чорни брови, кари очи, Януковича не хочем! – скандировали нетерпеливые.

Мы «скованны одной цепью». Эта мысль окрыляла, придавала силы и энергию.

И случилось самое невероятное!!! Майдан победил! Это было неожиданно. Казалось, у массовых многомесечных протестов были призрачные шансы на успех. Но это случи-

лось в один день. Мы чудесным образом проснулись в другой стране!!!

Люди в эфире восторженно зажигали, и лица у всех были просветленные: *«Украина получит от ассоциации с Европой невиданные блага!! Она будет европейской цивилизованной страной, где будут обеспечены все права и свободы. Нас ждут новые социальные стандарты, резкое повышение заработной платы, пенсий, всех социальных выплат!»*

Радио не отставало. Новости опережали одна другую.

– Сделай громче! – просил Лысак.

– Наконец-то. Наконец-то! – непроизвольно, с дрожью в голосе, произносил я, и Леха не менее ошарашенный вторил мне:

– Не зря, не зря мы все вечера пропадали! Получилось!! – и с силой хлопал по плечу так, что я чуть не терял руль.

– Потише ты чертяка! Врежемся. Не доживем.

– Извини! Уже дожили!!! Почти...

Это «почти» казалось несущественным, вон за тем поворотом, или за тем. Изменения начнутся, они не могут не начаться в ближайшее время, и мы их первые почувствуем. Вдохнем полной грудью.

Дома я стал появляться еще реже. Мать, наглаживая мне очередную рубашку, осторожно интересовалась:

– Данила, ты все с Леной ездешь или как?

– Или как! – бросал я, хватая на бегу что-нибудь вкусненькое из холодильника.

На кухне призывно шкворчало сало, но ждать было некогда. Мать работала плиточницей на заводе железобетонных изделий. Труд был нелегкий. Наклеивала ленты с мелкой кафельной плиткой на стеновые панели. В цехе было полутемно, заезжали грузовики, гуляли сквозняки, пахло сырыми плитами и сваркой.

– Все носишься, гоняешь, поесть нормально некогда! Испортишь желудок!

– Вот для того и ношусь мама, чтобы у тебя, наконец, появилась нормальная человеческая работа. Сколько можно здоровье на этом проклятом ЖБИ гробить.

– Да я привыкла. Всю жизнь на одном месте. Первые только три года плакала, тяжело было. Девчонка совсем была. А на заводе фуфайка, бетон, «сапоги-кирзачи» и мужики в три этажа матом кроют. А втянулась, не стала обращать внимания, человек ко всему привыкает.

– Все изменится! Обязательно! – горячо убеждал я ее и глаза мои горели.

– Как изменится?! Квартирьы все равно будут строить. Людям наш труд в радость. Представляешь, что такое въехать в новую квартиру? Это ни с чем не сравнить!

– Ну ладно, я побежал мам! – прерывал я ее с виноватой улыбкой.

– Беги, беги.

Я жадно ловил передачи. Что-то трепетало внутри. Казалось, я первый раз шел на свидание. Я радовался, что этот якорь – Янукович, что тормозил наш корабль, позорно бежал. Что коррупционеров, непременно выявят и пригвоздят к позорному столбу.

– Леха! Главное мы творцы перемен!!! Мы делаем историю! Оказывается, нет ничего невозможного!

Но в Харькове было не спокойно. Народ бурлил. Градус злости повышался. Работы прибавилось. Дед, сидя на скамейке у калитки, подслеповато щурился, поглядывал на меня, как я собираюсь.

– Данила! Опять поїхав??

– Ага.

– Когда вернешься?

– Да все нормально деда, – я заботливо приносил оставленную им на веранде клюку с резиновым набалдашником.

– Все бігаєш, носишся, про мою пенсії беспокоишся? Тільки как бы ее не «располовинили» твоїми стараннями.

– Да что ты?! Скоро все наладится! Вот увидишь!!

– Дело твоє, но можно дать тобі один совет? Не оставляй ружье в салоні на сиденье.

– У меня «сигналка» и возле забора... кому надо?

Он внимательно смотрел на меня.

– Тому і треба. Розбити кирпичом стекло, схватить твій винторез – одна секунда. Поки сработает сигналізація, пока ты проснешься, підбіжишь к окну, вибежишь... злодій, где

будет? Поди, до Полтавского шляха добіжить?! А та кинешся догонять, як пультет в тебе из твоей же пукалки.

Его белые волосы, выбивавшиеся из-под шапки, лениво шевелил ветер, воробей прыгал у его ног, искал, чем бы поживиться, а взгляд его был добрый и умиротворенный. Меня не напрягала такая опека деда.

– Хорошо. Я спрячу его в багажник или буду заносить в дом, – согласился я покорно.

– Помни що я твій дід. У нас одна кровь. Я тобі плохого не посоветую.

«Старый стал. Морщин прибавилось. Разве он поймет». Я поправил ему выбившийся воротник куртки, прощаясь, слегка прижал к себе и мой Nissan Bluebird вновь бросился весело вырывать из-под себя дорогу своими 150-ю застоявшимися лошадьми.

Дни просто летели. Каждый был напессован событиями. То, что раньше происходило за месяц, неделю – умещалось в часы. Были и тревожные вести. Нет, я не надеялся, что все и сразу будет хорошо. Я готов был потерпеть. Революция делается не по мановению волшебной палочки. Будут перегибы. В мутной воде, всегда много пены, типа Александра Музычко, в миру Сашко Билого. Но не они определяли политику, это присосавшиеся. Хотя меня стал смущать запрет русского языка и выпады в сторону восточного соседа.

– Причем здесь язык?! Важно, что в головах, – делился я сомнениями с Лысаком. – Майдан был русскоязычным. Все

были как братья. Мы не для этого поддерживали революцию, чтобы кого-то гнобить и уничтожать. Мы за свободу. Впереди Европа. Она объединилась: и немцы, и французы, говорили на разных языках, и были веками непримиримыми врагами, враждовали, воевали, а сейчас они стали едины и другие народы с ними. Мы не варвары, мы тоже хотим цивилизованных отношений!!

Лысак не возражал. А обстановка резко менялась. Милиция пряталась или занимала выжидательную позицию. Этим пользовалось разное отребье. Нас всколыхнули события, случившиеся конце февраля.

– Слышал про автобусы? – спрашивал я Леху.

– Крымские? Те, что пожгли близ Корсунь-шевченковского?

– Ну да...

– Смотрел в интернете. Били битами. Так издеваться, метель беззащитных людей. Чего они добиваются?

– Акция устрашения к мирному гражданскому населению. Стояли, смеялись, и это доставляло им удовольствие. Говорят, были убитые.

– Точно не известно. Корреспонденты любят подлить масла в огонь.

– Скорее всего, – неуверенно соглашался я. – Но много людей пропало без вести!

– Нагоняют. Российская пропаганда.

А события надвигались. Восстал юго-восток. сепаратист-

ские настроения стали реальностью, близость Рашки и, бесспорно, Одесса, разделили людей. Одесса, конечно, была непростительной глупостью. Не было более сильной подножки, чем ту, которую Майдан подставил себе сам. Тут нельзя было все списать на плохих корреспондентов. Коктейли Молотова летели в окна. Люди прыгали с высоты. Слухи множились. Жертвы исчислялись десятками. Власти отмалчивались. Народ был напуган. Одесса была совсем рядом.

Начались захваты зданий и в Харькове, наш Чернозаводской район не был исключением. Было очень беспокойно, тревожные новости росли как снежный ком, но потом все успокоилось, центральная власть взяла верх. В это мы с Лехой уже не вмешивались. Русские, или те, кто в душе считал себя русскими, были на распутье. Юго-восток пошел по своему пути. Пусть катятся! Я уважаю, выбор людей, которые хотят жить по-своему. Не нужно никого учить – все взрослые и умные, хотя некоторые задним умом. Пусть потом кусают локти!!

С Лысаком мы теперь встречались редко. Он намылился уехать в Польшу. Как-то перед отъездом я его застал недалеко от дома на Красношкольной набережной.

– Решил?

– Ну да! Сам знаешь, наши запчасти и комплектующие шли только в Рашку, а сейчас с ней рамсы. Вот нас и поперли.

– Наказывают агрессора? Ну, понятно... Польша, нормальное европейское государство, не переживай. И кем там?

– Да хоть кем. Никто нас не ждет, но поеду в Вроцлав или Познань. Все одно лучше, чем здесь, – вздохнул Лысак, и глаза его были печальные.

– Гастарбайтером поля убирать у местных буржуев? Спино гнуть? – невесело предположил я.

– Посмотрим, – уклончиво буркнул он. – Там не буржуи – паны.

– Они лучше?

– Да где там. Озвучили наш распорядок дня: в 6 утра подъем, в 7 выезд, работать до 7—8. Говорят: «Если дождь, то запаситесь чем-нибудь».

– Не хило! Институт тоже бросаешь? Тебе сколько осталось?

– Последний год. Да запарился я учиться и работать.

– Но ведь столько сил положил. Может, останешься?

– Нет. – Лицо его приняло жесткое выражение.

– А что мы икру метали? – с укором пытал я Леху.

– Тут надолго. ... Видишь, какую свару затеяли. – Он поднял глаза на меня, и я прочитал в них тоску. – Я не задержусь там.

– Точно?

– Думаю, вернусь.

– Смотри!

– Да вернусь я, точно. Пусть маленько успокоится.

Я с грустью смотрел на старинное здание музыкального училища, на бетонные столбы, увенчанные шарами, чугун-

ные решетки, черную мостовую, и мне было не по себе. Ле-ха, когда говорил, отворачивался и я ему не верил. Мы с ним сильно сдружились, и было грустно, что он уезжает.

– Все не так как мы думали, – с сожалением бросил я. – Ну, давай братан! Перемелется.

– Ну да! И вам не скучать.

Мы обнялись на прощание, и он, чуть согнувшись, пошел в сторону цирка. «Какой он все-таки маленький и щуплый, – подумал я, провожая его взглядом. – В Польше ему не сладко придется».

А события развивались. Крым бузил, отгородился блок-постами. Турецкий вал, Перекоп, Чонгар, Перешеек – оседлали казаки, равнодушное население и милиция из разогнанного киевского «Беркута». Появились заграждения из бетонных блоков, мешков с песком; окопы, стрелковое оружие. На керченской переправе пограничный контроль был утрачен. Депутаты проголосовали за отделение. Военных повсеместно блокировали. Никто не понимал, что будет дальше.

Говорили, не обошлось и без Путина. У Армянска была замечена тяжелая артиллерия Черноморского флота. А у нас было полное безвластие. Мы все время опаздывали. Разрекламированный поезд «дружбы» позорно бежал, боясь теплой встречи на вокзале. Крым уплывал. Он, конечно, если

честно, никогда, не был нашим. Это все понимали, но говорить об этом, было непринято.

Лучше не вспоминать о нем. Как сейчас стоит в глазах: чопорная набережная Ялты, милый курносый нос Наташки Клинецевич, изрезанные бухты Севастополя, Алушта, Коктебель, походы с рюкзаком и палатками в Планерском – все было исхожено, все было в памяти и родное. И вот как ножом. Обидно, но шансы остаться без большой крови – там были мизерны. А крови я не хотел и поэтому смирился. Захотят в свободную Европу еще будут проситься к нам. У меня там, на флоте, в Крыму служил старший брат Иван, я им гордился по-настоящему.

Брату я писал: *«Ваня! Решай сам! Выбор за тобой. Но помни у тебя здесь мать, отец, я и твой отчий дом!»* Ивану на месте пообещали сохранение звания, выслуги, повышение жалования почти в три раза. У них нефти и газа до хрена, и для Рашки это нормально. У брата была комната с видом на море, жена, ребенок. Он решил, что присягу два раза не дают, и вернулся. Колебался – до последнего, сомневался, ... – но вернулся, хотя большинство его друзей и сослуживцев остались. Тут каждый делал выбор сам.

Когда он приехал, было очень радостно. Наш дом на улице один из самых приметных. Стены его возведены из старого Екатеринославского кирпича с клеймами «И. М». Дореволюционный кирпичный завод на Аптекарской балке ранее принадлежал инженеру Иону Михайловичу Майданско-

му. После разбора скотобойни, кирпичу на нашем доме была уготована вторая жизнь. На улицу смотрел солидный фронтон с полукруглыми окнами. В доме было очень просторно и даже в жару прохладно.

В тот раз к приезду брата веранду убрали свежими домоткаными половиками, я вернул к жизни угольный самовар, сварил аргоном новую трубу из нержавейки, вывел ее в окно. Пароход «Дмитрий Ульянов» при опробовании задымил классно, по-настоящему. Мать светила, готовила котлетки, не по-киевски, но как она умеет. Сделала слоеные пирожки с нашими абрикосами. Отец достал из заветных запасов 3-х летний черно-красный «Спотыкач» – горилку на лесном сборе. Вся семья была вместе. Это был настоящий праздник и гостей никто не гнал.

Все удивлялись, что он не остался, хотя должен был. По идее его бы никто не осудил.

– Ну что вы пристали, – урезонивала особенно ретивых, наша соседка Пелагея, опрокидывая третью рюмку Спотыкача, и подкладывая в тарелку добрую порциюпельменей. – Не самый плохой выбор! Вам бы все сайгачить, а родители як?!

Гости послушно кивали головой.

– За встречу!

– За возвращение!

Пахло березовыми углями, лаял соседский пес, растревоженный весельем, веранда призывно светила в ночи. Все

соседи знали, по какому поводу мы гуляем.

– Відмінний самогон!! Ах!

Все гости раскраснелись. Лица почти у всех были просветленные, добрые.

– У нас сегодня чай в угольном самоваре!! – хвалилась мать, и светилась как его начищенные бока.

– А сыночки то у вас, как похожи! И куда с добром! Куда с добром! – в унисон повторяли захмелевшие гости.

И было хорошо, и уютно.

«Сколько времени прошло, а глаза закроешь – как вчера: Простой строганный стол, скамейки, застеленные толстыми покрывалами. Ночь, черные стекла, блики, резкий свет лампы без абажура и милые родные лица». Когда все немного расслабились от выпитого, центр внимания переключился на Ивана.

– Ну расскажи, как там Вань?! Такое не каждому в жизни доводится испытать!

Рассказ брата был неторопливый, степенный:

– Я не интеллигент, россиянам в Крыму даже морды бил за плохие высказывания в сторону Украины. Но после референдума корабли и суда, которые находились в Крыму – а это примерно половина флота Украины – вышли из ее состава и присоединились к морским силам самообороны Крыма. Так проголосовали депутаты, и вроде как это выглядело законно. Ведь всегда была автономия. А дальше началось по нарастающей: корабль управления «Донбасс»,

спасательный буксир «Кременец», противопожарный катер «Борщив» – перешли на сторону Крыма, России и подняли Андреевский флаг. К 20-му марта мы утратили контроль над корветами «Тернополь» «Хмельницкий» «Луцк» ... а к 22 марта флаги России были подняты над 54 из 67 кораблей, в том числе над 8 боевыми кораблями и единственной украинской подводной лодкой «Запорожье».

Иван с досадой утер пот со лба. Видно было, что он волновался и вновь переживал недавние события. Его никто не перебивал, и он продолжил с горящими глазами:

– С нами никто на связь не выходил. Слова «Держитесь!», «Слава Украине!» – и всё! А мы хотели достучаться до власти, чтобы корабли не бросали на произвол судьбы. С тем, чтобы нас либо вывели, либо дали другой внятный приказ, но нас бросили. У нас заканчивалась вода и провизия, а из Киева не поступало никаких указаний! Мы так долго не могли тянуть. Мы были в безвыходном положении. Что говорить, 25 марта был захвачен заблокированный в Донузлаве последний тральщик «Черкассы». В Севастополе не осталось военных кораблей под украинскими флагами. И вот я здесь! Я вернулся.

Отменный самогон, ветчина и пирожки с абрикосами лишь только отчасти скрашивали рассказ Ивана. Глаза его светились болью. Мы многого не понимали, но обида за безразличие и пораженчество были написаны на его лице. Это была правда украинцев, крымчан, русских, но истину в по-

следней инстанции никто не знал, а может, ее и не существовало, так как резали по живому.

В Харькове все начало разваливаться. С работой стало неважно. Предприятия закрывались, шли массовые сокращения, а Ваня надеялся продолжить службу. Ему клятвенно обещали, что он не пострадает, если вернется.

Приехали корреспонденты из местной газеты «Время» – бывшей «Красное знамя». Взяли интервью и расписали, какой он герой. Он не говорил про Рашку гадостей, им это не нравилось, но все равно он был герой. Что-то они потом просто дописали за него. Ваня прочитал и с досадой плюнул:

– Щелкопёры, сволочи!! У меня же там друзья остались!

Из газеты только и вырезал – что портрет. «Фейс» получился что надо. Он там такой веселый. Когда пришел, и когда его так встретили. Конечно! ... Но потом не заладилось. Работы не было. С трудом его все же удалось пристроить на ржавую посудину, буксирный катер «Новоозёрное» и то через одного старинного товарища отца. Это было счастьем, хотя конечно в деньгах и во всем остальном, он потерял и еще остался без жилья. Но так получилось, что обещали много, а потом сказали: *«Ну, ты же видишь, что, творится, мы не виноваты. Кто же знал!»*.

Помню прощальный вечер. Отец затяжелел от выпитого, и мама пошла его укладывать. На веранде мы на время остались одни с Иваном.

– Жили же нормально: работа! сыты, одеты, обуты, ...

газ дешёвый, – говорил брат, – правда, вокруг жулье, но где его нет.

– Безнадёга была полная! – горячо убеждал я его. – Единственная надежда оставалась, что после подписания ассоциации, Янукович будет вынужден начать нужные реформы. А когда она рухнула – случился Майдан. От безнадёги он произошёл, а не из-за чего другого. А в целом коррупция, Янукович тормоз! Был бы другой президент...

Брат смотрел на меня, и лицо у него было каменное, холодное, и я чувствовал себя виноватым и маленьким.

– При чем здесь Янукович?! – возражал он. – Если бы Яника на фонаре повесили – страна бы гуляла, счастья при-было?! – безрадостно и горько спрашивал Иван. – Считаешь после него пришли кристально честные?!

Это был удар под дых! Так случилось. Что после драки кулаками махать. Не зря говорят: «Срать и родить – нельзя, погодить!».

– Ваня, ни о чем не жалеЙ! – торопился выговориться я и чувствовал, как кровь приливает к лицу от переживаний и выпитого.

– Посмотрим! – неопределенно и хмуро говорил брат.

– Точно, поверь!!

– Хорошо тебе говорить! – опять бросал он и смотрел на меня так, как будто я был в чем-то виноват.

Я не готов был продолжать разговор, спотыкач давал о себе знать. Я твердо верил, и это было главное, брат потом пой-

мет, что я был прав!

Иван уехал работать на свою ржавую посудину. Стычки на юго-востоке разрасталась. Донецк, Луганск, Горловка, Славянск, Краматорск. «Майдановцы» пока выжидали и осторожничали. Путин взял разрешение на военные действия, и все гадали – что будет. Но Рашка молчала, нависнув огромной глыбой на востоке, а ожесточение росло. Зуб за зуб! Люди шли стенка на стенку. Что вчера казалось невозможным, стало обыденным. Убить? Запросто. И с обеих сторон. Не конфликты – война замаячила на горизонте. В это не верилось. Но какая война без солдата... Наш Червонозаводской район тоже забурлил.

Пошла шумная патриотическая трескотня по телевизору и в печати: говорили о целостности Украины, о Родине, о долге, о коварных «москалях», и неминуемой катастрофе, которая стоит у порога, и почти сразу объявили призыв.

«В Польше – наплыв студентов из Украины, – писали в „Вечернем Харькове“. – Многие едут на учебу за рубеж, чтобы избежать мобилизации. В стране за уклонение от службы дают реальные сроки – два года тюрьмы!» Я откладывал газету. Нагонять страхи у нас любили.

Мне не приходило в голову, что призыв коснется меня. Я, напротив, был уверен – что меня он обойдет стороной. Ну, может быть, когда-нибудь, если уж совсем «непруха». На заводе меня ценили и готовы были наделить какой-нибудь броней. «Завод имени Малышева» это не «шараш-монтаж». Мы

занимались модернизацией танков Т-64 до «Булата» и легкой бронетехникой: БТР-3, БТР-4, «Дозор-Б».

– Надо засекретить военную технологию, – рубил воздух руками генеральный директор Николай Белов. – Наш блок цилиндров – это ноу-хау. Мы должны удержать его как интеллектуальную собственность. Передача литья любому стороннему, может доставить заводу убытки. По крайней мере, так считают спецслужбы.

«А вдруг агрессор узнает и украдет, – с улыбкой думал я, – еще можно засекретить пурпурный инопланетный „танк-автомат“ на шасси „Буцефала“ на котором разъезжал Максим Каммерер. Зачем его отправили Федору Бондарчуку в Россию»

Серьезная организация «Укроборонпром», где я трудился, вроде полная индульгенция, но отсрочка от призыва с новыми отмороженными властями не срослась. Никто ни смотрел на шаг вперед, не интересовался, что будет завтра. Пришла разнарядка! Начальник цеха Михалыч, нас всех собрал, рассказал, что лучше не поддаваться на происки «голубого глаза» и как лучше избежать призыва.

– Главное не расписываться в повестке. Немного побегать, поночевать у знакомых.

И все с этим согласились.

– Это не надолго Данила. Кампания пройдет, а там и война кончится! – подкручивая, обвислые запорожские усы, успокаивал он, когда мы возвращались после мероприятия.

И ему хотелось верить. Михалыч был признанный авторитет, можно сказать второй батя.

На заводе не было добровольцев, кроме двух придурков из гальванического. У них наверно от химии мозги расплавились, плюс информационный шум. Ну так бывает!

– Захотели стать «хероями». В добрый час! – напутствовали мы их.

Призыв в Харькове забуксовал, показывая непопулярность в народе и слабость местной администрации. И тогда «Они» пришли на завод. Они знали, где нас найти. И никто не смог возразить. Теперь «Они» не жгли крыши. Они были власть.

Меня в числе первых, под невинным предлогом – для смен фотографии – вызвали в отдел кадров. В двух шагах, двери в двери, располагался военный стол. Два амбала в коричневых костюмах уже подстерегали меня с кривыми ухмылками. Наверно они были из «правосеков» и лица у них были тупые и безразличные. Я вспомнил профессора Плейшнера, Цветочную улицу из фильма «Семнадцать мгновений весны», гестаповцев в штатском. Что-то похожее. Амбалы, не церемонясь, перегородили мне обратную дорогу. Руки у них были как грабли. Перекрыли и показали, что бы я заглянул в военстол. Иного пути не было. Я вошел.

Симпатичная, но уставшая девушка сидела за столом, который был загроможден принтером и ворохом бумаг. Говорила она скудно. Прочитала абзац из решения нового пра-

вительства. «Уже состряпали, – подумал я. – Оперативно работают». Просто долг Родине, просто священная обязанность!!!

Мои глаза скользнули по другому документу на столе: «28 апреля 2014 г. Верховная Рада одобрила мобилизацию автотранспорта в Украине».

– Вам все понятно? – отчеканила она сухо, и я для нее не существовал. Я был бесплотной тенью, миражем, которого так ждали на фронте.

«Почему у нее такие бесцветные глаза? – пронеслось у меня в голове. – Симпатичная, нормальная девушка, а глаза никакие». Я для нее не существовал. Ноль, к которому нужно было приделать палочку. Дала расписаться. Проводила, но прежде вышла и дала знак верзилам, что все в порядке. Они меня выпустили с такими же ухмылками, как и раньше. Не они ли жгли крымские автобусы? Может не они, но похожи.

Я не готов был к этому. Спектакль был разыгран как по нотам. Даже помнится, сварочную маску под мышкой держал. Думал ерунда какая-то, а вышел как оплеванный.

– Хитро-мудрое пи*орье! Удар под дых! – беленился я в бригаде. – Я бы и так пошел. Новой власти с этого начинать?! Типа «Фотографии смените!» И две гориллы с лошадиными мордами... и вилы в бок. Что нельзя было по-человечески?! Такого даже при Совке не было!

Это я так распалялся, рвал душу, а пацаны прятали глаза

и молчали. Их спецовки еще не остыли от жара, пахли маслом и дымом, но они были в этот раз скромны как никогда. Но так брали только первых.

А тот, кто не пошел, кого успели предупредить, того на проходной выдергивали, и всё равно насильно заставляли расписаться. Уже без улыбок и церемоний. Часть пацанов, которых не выловили – успели уехать. В моем случае, когда расписался, это уже решетка. Играть с тюрьмой было не в моих правилах. Маленькая облава им тогда удалась. Мы оказались каждый по одному.

– Бегом в военкомат Укроп! – некстати пошутил кто-то из коллег, – и не смей увиливать от священного долга. Если дезертируешь, Ярош тебя расстреляет, а потом и повесит.

Но было не смешно. Я забыл, кто был этот умник. Тогда на эту тему еще шутили.

Толерантность моя разбилась о жестокую действительность. Конечно, провели, лоханулcя, но я не считал, что это катастрофа.

– Просто так распорядилась судьба, – говорил я матери. – Ты зря расстраиваешься.

– Я не расстраиваюсь, – врала она мне с закаменевшим лицом. Будто я не знал ее.

«Мама, мама! Я все понимаю, – думал я. – Могла бы и поплакать. Что уж тут. С другой стороны... в самом деле – а почему не я? Отменный сварщик или ученый?! Чем мы лучше?! Если нужно – надо идти. Горлопанить на митингах мы

все мастера, а как дела касается – хочется отойти сторонку».

Завод бурлил. Горе Михалыча было не описать. Плакал он по-настоящему. Когда провожают на войну, это уже лишнее. Я немного обиделся на него. Хотя не суеверный, но есть такие вещуны-колдуны.

Я гнал эти мысли, но не стал терять времени: купил «броник» 3-го класса за 4500 грн., тактические очки, хотел каску, но не нашел. Австрийские тяжелые берцы, приобретенные недешево, пришлось оставить. В них хорошо было в баре красоваться и пиво пить с пацанами. Пробная пробежка выявила, что они совершенно не пригодны для дальних расстояний. Встал вопрос: тащить с собой из Харькова, бинты, жгуты, йод, зеленку? Решил оставить, выдадут, но положил многое из того, что могло пригодиться. Обезболивающие, антибиотики, «Аквабриз» для обеззараживания питьевой воды, большой складной нож Bear Grylls, нитки-иголки, микро-блокнот с авторучкой и маленький мультитул с пасатижами, на 9 предметов. Вроде хорошо подготовился!

Мать с отцом держались. Молодцы. Не хотели меня расстраивать. Только дед Чеслав, стучал костылем по стенам мансарды. Вообще он был нормальный, но иногда на него находило. Он был настоящий горец Карпат – Гуцул, верховинец. Бойки исстари обитали на стыке Львовской и Ивано-Франковской областей. А его отец и дядьки жили в Низких Бескидах и северной части Словакии недалеко от Попрада.

Когда я был маленький, он, взяв меня на колени, рассказывал, как они молодые парни Легини, высоко в горах валили лес. Очищали стволы от сучьев и коры и спускали с вершин на горную дорогу по сделанным деревянным желобам. А там Газди, те, кто постарше, на конях и волах, отправляли деревья на ближайшую станцию узкоколейной дороги. Тяжелый труд прерывался веселыми праздниками Зимним Николой и Рождеством.

– Что за Никола, – спрашивал я нетерпеливо теребя пуговицу на его рубаше.

– На Николу зима с гвоздём ходит, крыши ладит, где снігом поукроет, где плотнее подоткнёт, щоб снеговая drankа не сорвалась, і щоб в печной трубе пело и гудело.

Последнее время дед сдал, но остался таким же цепким, ершистым.

– Никогда не думав, що внука буду провожать на войну. І войну с кем? Скажу про себе. Мы русины, разделены. В Словакии, Сербії, Чехії, Венгрии и конечно на Україні ты найдешь своих родственников, но мы всюди в меньшинстве. Мы всегда боролися за свою независимость. Жена моя, бабка твоя – русская; і мати русская. Значит и ты на три четверти русский. Я, пережив уже одну войну. От неї с голода умерло трое моих братьев, а батько пропал без вісті. Нічого нет хуже войны. Другий не хочу. Війну гораздо проще начать, чем закончить. Не забувай, що ты у нас продолжатель фамилии. От пули не бігай, не пристало нам, но и не лізь на рожон!

– Спасибо дед. – Я обнял его высохшее, жилистое тело.

– Ще скажу, есть у нашего народа один обычай. Називається «Клятва землею». Воин опускався на колени и набирав в рот землі. Чудодейственная сила земли исцеляет от ран і ожогов. «Рідна земля» без всяких амулетів способна защитить солдата от пули врага. Не забувай мое напутствие. Ты все же на четверть гуцул. Береги себе.

– Спасибо! – я с благодарностью и болью смотрел в его выцветшие от времени глаза.

Отходняк получился не очень веселый, несмотря на то что горилки, не жалели, а брат отца – Федор залихвасто играл на баяне:

«Чубчик, чубчик, чубчик кучерявый, ... А ты не вейся на ветру...».

В середине вечера случился странный инцидент. Когда наливали «Немиров» у отца в руках лопнул бокал, и содержимое вытекло на скатерть. Это было так неожиданно. Огромное мутно-желтое пятно залило треть стола. Отец растерялся и держал какое-то время остаток бокала, не понимая, как такое могло случиться. Бокал был тонкостенный, но раздавить его было невозможно, как ни старайся. Это понимали все. Да и не давил он его. Мать стала белее льняного полотна, на которое все вылилось. Скатерть с бокалом тут же безжалостно выкинули, заменили, но это испортило остаток вечера. Все сделали вид, что ничего особенного не произошло, и будто даже забыли об инциденте, но на самом деле было

не так. Я видел это по лицам. Легкий хмель испарился. Настроение и теплота вечера ушли. Все смотрели на меня поновому, и это было неприятно. "Что за дела?! Я еще живой! – хотелось бросить в лица им. – Не надо этих постных выражений!». Гости говорили непривычно мало и поглядывали на наши застекленные ходики на стене.

– Дядя Федор! Что-нибудь веселое, – умолял я. Но дядя Федор уже сорвал голос, извинялся. Тут уже было ничего не исправить. Только пальцы его послушно перебирали лады, и руки привычно рвали меха.

«Я не суеверный. Это конечно чепуха, – сосало под ложечкой, – но с другой стороны... Ведь раньше такого не было. Неужели это что-то значит?!» Я гнал тяжелые раздумья от себя. С расставанием у меня не заладилось. Людям свойственно искать приметы, когда жизнь ставит их перед ответственным выбором.

Последний вечер с Ленкой. Скучный, бесцветный. Вроде и расстаемся, а сказать нечего. Слова корявые, как палки в колесе. Вымученные, тормозные.

– Ленк! Война, так война... надо идти! Ты расстраиваешься?

– Не верится.

– Это хорошо.

А что хорошего? Не понятно. Ляпнул с дуру что попало. ... Убьют, ... я просто эпизод в прошлом! А может, найдет кого, пока я буду «сепарам» вдалбливать уроки светлого ев-

ропейского будущего. Жирных котов полно. Ленка... Ленка! Главное не клясться в любви. Хотя, что это такое? И не давать обещаний. Не давать и все. Жуткий вечер должен был кончиться, и это произошло. Все когда-то кончается.

Я лег спать и долго не мог уснуть. Комната вдруг стала чужой, а родительский дом особенным. Какие-то шорохи, шуршание, подвывание ветра, легкий скрип ставен о крючки. Когда родился и живешь всю жизнь в одном месте, дом одно целое с тобой, а пришла пора расставаться понимаешь – это не так. Все родное и близкое в прошлом, оно есть, и его уже нет. Завтра другая жизнь.

Я заснул и проснулся под утро от страха. Еще не светало. Липкий холодный пот покрывал тело. Мне не хотелось возвращаться в дурацкий сон. Я закрыл глаза, но он не отпустил. Опять огромная катушка, величиной с дом, накатывалась на меня, а я старался увернуться. С трудом удавалось избегать участи не попасть под ее ребра, но она снова и снова настигала меня.

– Ад! ... Адище!!!

Я хочу убежать, проснуться... но не тут то было.

По-настоящему я забылся, когда робкие лучи солнца осветили соседнюю крышу и когда мать начала греметь посудой на кухне.

Ласточки армейской жизни

Отправляли нас в начале июня. Провожающих собралось много, но плач, был умеренный. Слезы размазывали, но никто не рыдал. Война-то была не настоящая. А может и не война, а так, приедем, поедим солдатской каши и назад. Так хотелось. Вновь избранный президент клялся, что войну кончит на раз. И мы его избрали.

Солидная колонна грузовиков выстроилась в четкий порядок. Мы одни можем восстановить конституционный порядок. Силища! Мощь! От одного вида могут спасовать, те, кто не захотел подчиниться, пошли против нового курса страны.

– Прощай Харьков! Прощай!

Это кто-то сказал? Нет! Это было у нас в душе. Я среди заводчан. Лица у всех грустные, потерянные. Уже простились. Скорее, нечего тянуть.

– По машинам! – звонко и зычно заорал незнакомый капитан. Хорошее место военкомат. Хлебное. Он остается, мы уезжаем. Его всю жизнь готовили к войне, но как она случилась, на войну отправляют нас, тех, кого оторвали от станков, выдернули из цехов.

Капитан провожает с улыбкой. А что ни улыбаться. «... Капитан, капитан улыбнитесь... Жил отважный капитан!» Жил, живет, и будет жить. А что будет с нами?

Отгибаем брезент на машине. Кузнечная, Гамарника, проплыла в последний раз. В глазах Лопанская стрелка, Вернадского, проспект Гагарина. Покровский сквер, фонтан «Каскад» ... Вот уже скрылось из виду колесо обозрения в парке Горького.

– Прощай Харьков. Прощайте любимые лица, девчонки родители! Что там у нас впереди?!

Крытые машины неторопливо тянулись по Полтавскому Шляху. Нас сопровождали менты с мигалками, проблесковыми маячками и сиренами. Торжественный прощальный эскорт родного города. Собственно, никуда и ехать не надо было, только перебраться в соседнюю область: Лозовая, Барвенково, Изюм, а там, в двух шагах Красный Лиман.

Не успели оглянуться, как оказались на месте. Облупленная казарма была похожа на тюрьму. КПП со звездами на скрипучих выдвижных воротах, бравурная музыка из железных репродукторов, нары в три этажа, но светлые просторные классы из белого силикатного кирпича.

– Прибыли! – тоскливо объявил кто-то и ухмыльнулся.

– А встречают с музыкой! – добавил другой.

– Может, так и проводят?! – невесело и глупо пошутил первый.

«Дурак! Хотя это уже будет не важно» – подумал я. – Прошел слух, что солдаты срочной службы не будут участвовать в силовых акциях. Их задача – весь период охранять, ходить в караулы.

– Хорошо бы так, но уж очень сомнительно, – недоверчиво поморщился Димка Гаврилов. Он прежде работал фрезеровщиком во 2-м цехе.

– А почему нет, – вступил в разговор Новиков, красавчик из ОТК. – Это тоже служба. Дело ответственное, без этого никуда.

– Ага! Держи карман шире! – возразил Гаврилов и недобро посмотрел на Новикова. Он наверно не очень почитал смазливых мальчиков, но на войне все равны. С Новиковым я сталкивался и раньше. Мне он нравился, без выкрутасов. Ему такая внешность досталась от природы, и он не был в этом виноват. Хотя пирсинг на языке это уже было перебор.

– Не мешает?

– Ну что ты к нему привязался, – хмурился он. – Я вообще хотел язык разрезать, да мать пожалел.

– Ну ты даешь!

– Да, я уже понимаю. Нашло. Бывает. Вообще на гражданке я жил отлично, только денег никогда не хватало. Особняка не имел, камин отсутствовал, в Париже не был, зато на здоровье не жаловался, радовался, что, мама жива и что жизнь была прекрасна.

Первая ночь на новом месте прошла нормально, если не считать, что обрушились нары второго этажа и слегка повредили тех, кто спал на первом. Удалось временно устроиться на полу на продавленных матрасах. Надо было привы-

кать к трудностям, толи еще будет.

Занятия проходили в бывшей ленинской комнате. Утраченный иконостас членов политбюро выдавали светлые квадраты на противоположной стене. Сиротливо торчали латунные гильзы пустых флагштоков. До новых знамен руки у новой власти еще не дошли, но это никого не смущало. Два дня, «воспитатели» с эстонским акцентом Армас и Отто, грели мозг. Холеные, но тупые как все эстонцы, только гонору хоть отбавляй.

– Когда эстонцы учили украинцев? Кто это придумал? – тихо возмущался Гаврилов.

Я разводил руками:

– Спроси, что полегче и я отвечу!

В основном эстонцы изощрялись про Рашку, такую злостную и коварную. Юго-восток раскалывает Великую Украину, войска Рашки заняли нашу землю, а «сепара»тистов там всего ничего. Мирных жителей почти нет, а те, что есть, помогают русским. Агрессоры, нарушители и прочая байда.

– У них можно подумать в голове летает голубь мира с пальмовой веткой в клюве! – недовольно шептал Гаврилов.

Все речи были, конечно, на ломанном русском и в час по чайной ложке.

– Пашаалуста, зат-т-т-умайтесь, ком-мму выгоден ф-фнутренний конф-фф-ликт на Украине?

– И, правда, кому? Рафинадные вы наши?! – шутили пацаны, смотря на их блестящие сытые лица и холодные гла-

за из-под очков. «Эстония красивая страна, – подумал я –
Никогда не был. Неплохо бы заглянуть в нее после войны.
Таллинн. Башни, флаги, чистый воздух и море. Теперь все
делилось на до, и после войны. Останусь жив обязательно
съезжу. Тут не далеко».

В курилке мы ржали, трепали анекдоты про доблестных
эстонцев:

– Эстонцы заявили об увеличении армии в полтора раза, –
усмеялся Новиков. – Но возникла проблема, – она теперь
не помещается в лифте.

Почти не смешно.

– Эстонцам рассказали анекдот про то, какие они тормо-
за, – заявил Гаврилов. – Они обиделись. Надулись. Правда,
на следующий день.

Уже лучше. Наши лица светлели. Мы знакомились. Пе-
рекидывались на первый взгляд ничего не значащими фра-
зами. Говорить о фронтовом братстве было, конечно, рано,
но ребята присматривалась, друг к другу. Там впереди была
война. Кто друг? На кого можно опереться?! Лучше если ты
не один. Ведь это фронт, там всякое случается. Так на ощупь
мы трогали друг друга. Хотели выжить. Не знали к чему го-
товиться!

Обидно. Что за призыв! Июнь! Благодатная пора. Почему
не осень?! Мы до отупения ходили строем по плацу и пели
гимн Великой Украины. Потом неделя на комплектование
и отправка. Все быстро, скоростно. Даже из автоматов

на стрельбище толком пострелять не дали.

– Не х*й патроны переводить! На «сепара»х потренируйтесь, – напутствовали преподаватели с толстыми мордами и наушниками на голове, из «западенцев».

– Сидят жопой в тепле, пока рагули нэньку защищать должны! – горячился в курилке Нестор Захарук родом из Черновцов. – Неплохо бы их всех гамузом собрать, да туда! Почему не воюют, инструкторы... мать их? Не покажут пример?! Их, ссыкло хохляцкое, нэнька борщом кормила, а они хер на нее кладут! Нашли в нас заступников!!

«Нестор Нестор. Большой, но наивный. Так было всегда!»

Отправили не всех, – нас троих, заводчан: Пашу Новикова, Димку Гаврилова и меня отобрали отдельно. Полковник Шпичук – толстый постоянно потеющий мужчина – лично ходил, опрашивал, кто что умеет. Ему мы понравились.

– Чрезвычайная ситуация! Чрезвычайная ситуация! – через слово с трудом повторял Шпичук, ломая язык, и сморкался в несвежий платок размером в простыню. – Надо помочь в ликвидации последствий паводка.

Мы упросили его присоединить к нам еще Моню Лопушинского – нормировщика с 14-го цеха, бывшего одессита. Так создалась наша маленькая группа.

– Было у мамы два сына, – самокритично говорил Лопушинский и улыбался обеззараживающей доброй улыбкой, – один умный, а второй – Моня! Это я.

Человек, который может так пошутить над собой, вызы-

вал невольное уважение.

Утром, вчетвером, на черной Волге, которая была нагрета как душегубка, мы отправились в дачный кооператив «Синие дали». Багажник доверху набили консервами и сухпайками со склада. Полковник командовал погрузкой и махал пухлой ручкой:

– Еще! Еще хлопцы!

– Господи! Да рессоры выдержат ли?! – сомневались мы.

– Они привычные. Им не впервой, – успокаивал полковник и протирал лысину грязным платком.

– Я вас умоляю, – «трендел» Моня, – он таки, правда, самый настоящий полковник? А я бы ему больше майора не дал. Хотя такой амбал, мог бы и поработать.

– Он не амбал. Просто у него живот на шестом месяце, – заметил я. – А это легкий труд по КЗоТу.

– «Кзоту-моту»?! Не делайте мне беременную голову. За чем я с вами согласился.

– Все *****расы, – я отпустил непечатное словечко, – а один ты Д'Артаньян?!

– Разве я говорю, нет?!

– Да. Только поздногато родился, – усмехнулся я.

Дорога петляла. Лещина, калина, боярышник перемежались с ольхой и вербой. Вода только сошла, а местами еще стояла в низинах. Местные называли эти дачи «Проку-

порскими». Это больше соответствовало действительности. Контингент был соответствующий старорежимный с семидесятых, с апломбом. Как туда затесался полковник, оставалось только гадать.

Северский Донец в этом месте отрезал часть берега, образуя небольшой остров и протоку, заросшую серебристым тополем. Кооператив располагался на самом острове. В результате разлива вода прорвала нижнюю дамбу, смыла мост и пошла в обратном направлении, затопляя дома, дороги, остатки горелого осинового леса, но пик половодья уже прошел.

– Эх! Разве это волны? – высокопарно восклицал Моня, показывая на снующие буксиры и подтопленные берега. – Вот до войны были волны! ... Разве это река? Вот до войны была река – «брульянт» чистой воды. А теперь в нем плавают не меньше говна, чем в канализации.

По сути, он был прав. Очистные в связи с войной, работали кое-как.

Дача Шпичука была построена с размахом, но по советским стандартам. Мансардная шиферная крыша повергала в уныние. Бросалось в глаза, что кирпичную кладку вели не квалифицированные каменщики, а, скорее всего такие же, как мы специалисты в погонах. Пляшущие кирпичи, по низу, пришли в негодность, а отмостка отстала от стен.

– Так себе «халабуда»! – «заценил» Моня, скривив на бок рот. – Фазенда трудящихся времен окончательного построе-

ния социализма.

– Не парься, – усмехнулся я, – мы тут ненадолго.

– И здрастье вам! – поднял палец Моня. – Куда рыпаться?!! Зачем спешить?!

Моня был прав. Ведь где-то там шла война. Спать нам отвели на полу, на втором этаже. Мы подстилали солдатские ватники, которых тут было запасено на три войны, и готовили еду на летней кухне. Сухие пайки не отличались разнообразием: печеночный паштет, с привычным сине-зеленым налетом, перловая каша с «говядиной», сухие галеты, 2 грамма отвратительного кофе, «цукор и волога серветка», а на обед «Завтрак туриста», самая вкусная часть сухого пайка.

– Ничего не умеем делать нормально, все завозим, даже отвертки и штопаные презервативы, а питаемся из гуманитарной помощи или вот этими помоями, – недовольно бухтел Гаврилов, брезгливо тыкая вилкой в серую желеобразную массу.

– Пижоним?! – язвил Новиков. – Может вам кофе в постель?

– Лучше в чашку, – нашелся с ответом Диман.

– А я бы навернул форшмак, – мечтательно закатил глаза Моня. – Сельдь, хлеб, яйца, лук, яблоко, сливочное масло и все через мясорубку! А в столовом уксусе!!

– Прекрати издеваться! – бросил я ему.

– Да! – не унимался он. – Скажу вам! Фирменная одесская холодная закуска: две селедки, ломтик черного хлеба,

два крутых яйца, одно яблоко сорта «Антоновка», сто граммов сливочного масла, одна столовая ложка растительного масла, одна луковица...

– Сейчас получишь! Представитель избранного народа!! – тоже не выдержал Гаврилов и показал ему увесистый кулак.

– Уже молчу. Молчу. Помечтать не дадут, – притих Моня, и глаза его обиженно потухли. Мыслями он был далеко. Наверно дома на Рымарской. Это была одна из самых таинственных улиц города, под которой находились подземные туннели – мечта экстремалов и диггеров. Я был у Мони в доме, но лишь у подъезда. Приглашать в квартиру меня как-то не решились. Может у евреев, это вообще не было принято.

Десять дней мы работали как проклятые: рыли канавы, откачивали дренажными насосами воду, ремонтировали плотно дороги. Старенькие Мазы, обдавая копотью изношенных моторов, сыпали гранитные камни, которые везли с Михайловского карьера, бульдозер Т-150 разравнивал, вдавливал их в мягкий грунт, а мы убирали их в сторону. Да, особенно большие глыбы, которые невозможно было утопить гусеницами приходилось кантовать руками. Даже восьми-тонная махина трактора не справлялась, ... но не солдаты.

Моня, несмотря, на то, что был невелик ростом, старался больше всех и командовал нами, когда мы выворачивали камни в раскачку из мокрого грунта.

– Ать! Два! Взяли! Работайте хорошо, и будете иметь бледный вид и розовые щечки. Ать два! Взяли! Да, они на-

няли кучу больных!! Я промолчу за больного на всю голову Данилу, и этого Гаврилова – явную находку для дурдома.

– Ты не командуй, а тяни! – зло тарачил глаза Гаврилов, они у него вылезали из орбит от натуги.

– Я вас умоляю! Как можно так себя не щадить. Эти ребята дружно хотят попасть в Валиховский переулок, где займут мраморные диваны временного проката, и уж там будут вести себя гораздо скромнее.

– И что у вас там за ванны в долбанном переулке?

– Да морг в Одессе, что ж еще.

– Умник! Иди сам там место занимай. Нам еще рано.

На восстановленном мосту я почти неделю, варил перила, делал железные съезды, и получалось неплохо, так как работа была привычная. В инициативном порядке сделал поверху ажурные завитушки и украсил балясины простыми волютами. Фотки своего творения посылал домой. Но пересылать по Интернету «быстрому» как мысль пьяного эстонца было очень затруднительно.

– Таки да! Ты хочешь сделать радость нашему полковнику, – вещал Моня, – так, чтобы изумление застыло на его морде, между бровями и позвоночником?!

– Да пошел он! – смущаясь, скромничал я. – Просто украшения. Мне не трудно, а людям останется.

Вечером, с приезжавшим полковником, постоянно шушукался председатель кооператива. Они отходили к дикорастущим яблоням, подальше от наших глаз, но по обрывкам до-

летавших фраз было понятно, что разговор крутился вокруг объемов и денег.

– Нет! И как вам это нравится?! – вздыхал Лопушок. – И этот цирк-шапито полковник осмеливается называть помощью кооперативу?!

– А что! Нормально Моня. Шлифует уши, – соглашался Димка Гаврилов и неприязненно смотрел в сторону спорщиков.

Как-то закончив работу, я решил сварить из остатков пластин небольшой плоский топорик, тут же наточил его на «Болгарке», получилось неплохо. Главное его преимущество было, что он был легкий, незаметный и его можно было скрытно носить на ремне. «Авось пригодится, – подумал я. – Лучше бы я его не варил или выбросил там!». Этот топорик впоследствии сыграл очень неблагоприятную роль в нашей военной судьбе.

К концу нашей командировки, на дачу с инспекцией, приехала жена полковника.

– Вот это самовар у нее! – задавленно прижимая губы ладонью, воскликнул Моня, глядя ей в след чуть ниже спины. – На троих рос – одной достался. ... Н-да! Как-то Изабеллу Абрамовну спросили, шо вам больше подходит для здоровья: горячий чай или горячий мужчина? «А мене абы хорошо пропотеть» – ответствовала она. И, по сути, она была права.

За женой полковника было интересно наблюдать: ела она, вернее уплетала подобающе своей тучной комплекции, сме-

тая все со стола как пылесос.

– Такая «жлобина»! – шептал опасливо Моня, округляя глаза. – Жрет все из ложком, из ножом, из вилок, будто у нее вместо пальцев повырастали гангрены!!

Женщина с принципами – она заставила нас тщательно отдраить летнюю кухню, а плиту, на которой готовили, пришлось мыть дважды. Мы очистили десятилетние слои кухонного жира заодно с заводскими этикетками. Шпичук с ней был ягненочком и называл ее Цветик.

– Угу, как ты не понимаешь Цветик?! ... Да! Конечно Цветик! ... Уже бегу моя радость!!

– Прыг скок! – хотелось напутствовать вслед.

Но мы молчали. На даче Шпичука нам все нравилось. Было смешно лицезреть этот «Цветик», в полтора центнера весом, с розовым бантом, с прижатым к необъятной груди немецким шпичем. Держала она полковника крепко.

– Я имею кое-что сказать! ... – делился разведсведениями Моня, – по секрету сообщила соседка Шпичука. Вполне цивильная женщина – эта Цветик еще та самодура. Полковник весит за сто кило без верхней одежды и нижнего давления. Но если эта мадам выходит из себя, он летает по даче не хуже «Боинга».

– Физика! – с улыбкой соглашался Димка. – Закон массы. 150 на 100!

– Просто на каждого «звездуна» при погонах, обязательно есть своя «звездиха», – серьезно умозаключал Лопушок.

Подходы были разные, но суть не менялась.

Наше возвращение на «пересылку» прошло в аналогичном порядке. Ту половину консервов, что мы не смогли одолеть, полковник оставил на даче, а нам купил черствый пирог с брусникой, в качестве подарка. Вообще, в начале командировки, за отменную работу, он обещал двухкилограммовый торт, но не срослось. Пирог был такой сухой, что только солдатские зубы могли его разгрызть, но мы и этому были рады, – с чаем, он улетел на ура.

– Нет-таки не правильная у него фамилия – точно «переодетый», – философствовал Моня, собирая последние крошки пирога, – не Шпичук он на самом деле, а Шпильберман. Это я вам говорю!! А я толк знаю!

Моня «своих» узнавал безошибочно, это вызывало улыбку.

– Шпильберман – Доберман! – с сожалением вздыхал Новиков, взбалтывая остатки жидкого чая. – Главное подальше от войны. День может не год – но жизнь бережет! – философски заключал он. – Я бы еще здесь поработал.

– Пару недель можно, – согласился я.

– А я бы даже пару месяцев, не отказался, а там глядишь, и война кончится, – мечтательно добавил Пашка.

– Может, она уже кончилась, просто нам не сообщили, – очень оптимистично высказался я.

Но это было, конечно, большим преувеличением.

К нашему возвращению, новобранцев, с которыми мы призывались, уже не было. Нас встретили другие пацаны. Они рассказали, что «наши» умудрились, уже побывать в боях и неудачно. Трое убитых и пятеро раненых. В это верилось с трудом. Одного «шибзика» и балагура по прозвищу Хоттабыч, я неплохо знал по заводу; он работал наладчиком ЧПУ, двух других вспомнил с трудом.

Сразу примерил ситуацию на нас. Настроение упало ниже плинтуса.

– Блин!!! Все только начинается?! – невесело констатировал Гаврилов.

– Кто следующий? – спросил Новиков.

Но в ответ была тишина. Лучше было постучать по дереву.

Отчаянно захотелось напиться, но забор с проволочным окаймлением и охрана, были на страже. Кто-то из нас посетовал на это. Неожиданно один из новеньких – Валек Рыжков – видя, как мы страдаем, извлек из потайного карманчика тонкую 200 гр. фляжку.

– Пронес через все кордоны! Жена-медсестра. Чистый медицинский, 96 градусов! Нинка как картинка, снарядила, – торжественно объявил он, вручая нам огненную жидкость.

– Нине наш пламенный! – тут же воскликнул я, не вполне веря свалившейся удаче.

– Бл*дь! Друг! Как зашибись, что на свете есть друзья

и они не жмоты!! – поддерживая меня, разразился в хвалебном спиче Пашка Новиков.

Эмоции зашкаливали. Пашка был самый модный из нас. Волосы местами белые, мелированные, язык, проколотый, с пирсингом, ногти ухожены – любимец девушек и заварушек. Он жил по-королевски на Мороховецкой набережной у магазина «Кристалл» в великолепной «сталинке» с трехметровыми потолками и лепниной. Его амурные похождения можно было слушать бесконечно. Особенно про некоторых дамочек, которые проявляли стойкость, достойную Брестской крепости. Он уже начал иметь прекрасную половину города Харькова по второму разу и вот теперь попал под призыв. Ему было трудней, чем нам. Война и девушки находились на разных полюсах.

– Наливай, – нетерпеливо бросил Моня, разрубая рукой воздух и блестя глазами. – Жить надо так, щёбы не было больно, а помереть по глупости мы всегда успеем.

– О-о-о!!! – подхватил без слов Димка Гаврилов, наш «маленький» гигант. Он промочил ноги, откачивая воду из канав и погребов, и постоянно подкашливал. Ему налили больше всех, растерли остатками грудь и спину, замотали в хрустящий полиэтилен на ночь. Зато утром его было не узнать.

– Ну, как?

– Нормально. Как на собаке. Дома бы еще три дня валялся.

– Не говори.

Мы закурили Winston. Я угощал из домашних запасов. Тогда они еще были. Димка поведал немного о своих предках:

– Один мой дед, по отцу репрессированный, прошел ужасы Соловецких лагерей и Гулага, второй – штрафник, был ранен на Невском пятачке, подлечился, прорывал блокаду Ленинграда, дошел до Праги, его имя даже ошибочно высечено на мемориальном комплексе в Латвии как погибшего, но он выжил. Батя обеспечивал операции в Корее, служил в Египте, Африке. Там тогда шла война, о которой сильно не распространялись. Лечился долго в Крыму, потом мы поселились на Украине. Служили и воевали почти все мои предки: даже бабушка была военный водитель. У нее, правда, только юбилейные медали и отмороженные на всю жизнь ноги. Тогда автомобили были без дверей, ограничивались брезентовыми шторками, и отопления не было.

– Раньше Харьков было прекрасное место для жизни, – заявил я.

– Раньше да! – процедил Диман и сплюнул, – поэтому и остались. Маманька хотела в Ленинград. Был выбор.

– Я бы пожил в Ленинграде!

– Я тоже! Раньше бы знать! И никуда бы не надо было топать!

Через три дня и нас погнали на Восток. В команде было 25 человек, земляки с Харькова, часть с Изюма – сельские, кто отвертеться не смог. Вечером мы прибыли в лагерь неда-

леко от Ямполовки.

Ямполь захватили 19 июня в результате 14-часового боя. Три блокпоста «сепаров» были уничтожены. Тогда же под контроль ВСУ перешел и Северск. Правительственные войска наступали методично и сокращали жизненное пространство непризнанных республик. Это не был порыв, просто удушение. Тем не менее, успехи были на лицо. Но до сих пор рядом что-то грохотало, бабахало, бубухало.

– Да тут, похоже, у чертей пункт массовой мобилизации – шутил Гаврилов. – Степь да степь кругом, а мы на Городище.

– Ад пуст. Все черти здесь! – бросил я.

– Мы не упоротые, но, скорее всего, передают колорадов – видите сколько сил собирают, – предположил Новиков. – Только нас сколько прибыло!

– Это бабушка надвое сказала, – возразил Диман. – Боюсь, что мы и нашу сучью страну за собой утянем.

Такие разговоры были не по мне. Призвали служить – надо, по любому. Родина у всех одна, – ну такая она непричесанная... И чтобы не слушать я ушел.

Нас построили, посчитали и отвели в однослойные легкие палатки ПЛС. Они представляли собой большие четырехугольные тенты, натянутые на бетонное основание; вход закрывался подзором. Лежанки были устелены не струганными досками, а дорожки между ними засыпаны Янцовским отсевом. По центру, в обрамлении палаток располагалось деревянное административное здание, кирпичная «оружейка»

и открытая столовая под легким навесом, а по периметру деревянные грибки для часовых.

Не успели мы устроиться, как без приглашения, к нам явились гости, человек 20-ть в красивой форме с красно-черными нашивками Правого сектора. При себе у них был полный комплект: «броники», пистолеты, беспальные перчатки с черепами. Они, отрывая клеванты, беспардонно врывались в палатки и действовали нагло, бесцеремонно, отбирали всё ценное.

Мы попробовали дать отпор, но нам решили серьезно вломить – поучить... и пошел «махоч». Мы держались дружно, но к «правосекам» прибыла подмога. Оказалось, это был «комендантский взвод» и силы были неравные.

– Нацгвардия еб*чия, – возмущался Гаврилов, поочередно прикладывая алюминиевые ложки к распухшему глазу, – разожрались на казенке, рожи хрен «обс*решь»!!

Ему досталось больше всех из-за роста и очевидной словновости.

– Обчистили, – подвел итог Новиков, – и «накандыляли», ... хорошо хоть инвалидами не сделали!

– А у меня – объявил я тоскливо, – ушел мой любимый нож Bear Grylls, мультитул с пассатижами и блок Winstona.

Лопушок аккуратно поворачивал направо-налево нос пальцами и кряхтел. Наконец он выдавил:

– А мне кажется, нос сломали. Таки да... хрустит что-то, а крови... не видно. Странно...?

– Может его вытянуть или слегка ударить, с другой стороны, чтобы сросся нормально, – неуверенно предложил я.

– Таки зачем?! ... Моня был немножко похож на умного, но не до такой степени, чтобы дамочки им восхищались, – саркастично заявил он. – А сейчас будет совсем абзац с кривым шнобелем. Да был бы жив!! Вот нарвались на комплименты!

Мы притухли, мамки далеко, мирная жизнь кончилась, – нос, это наверно цветочки.

Когда пацаны разошлись из курилки я, оставшись один, позвонил домой, стараясь быть бодрым:

– Привет мама! Как вы там? ... Понятно. Нас еще не привезли. ... Я же тебе говорил, на даче у полковника. ... Варить металл моя профессия. Восстанавливаем мост, купаюсь, рыбалка. ... Нет! Ко мне нельзя. ... Просто нельзя, нас скоро перебрасывают на новое место. ... Я все помню, не беспокойся, горло берегу, буду звонить.

– Маманя, папаня, дед – беспокоятся, – поведал я вышедшему из палатки Новикову. – Вот звоню, раз обещал. – Я мечтательно прикрыл глаза. – Сейчас бы на Bluebirde прокатиться с ветерком по Харькову. Подсадить девчонок. Хорошеньких, ... да хоть и страшненьких. Пылится родненький, поди, куры несутся под капотом.

– Да уж! – согласился Пашка, и в глазах его появилась тоска. – Как они там без меня?! Тут уже так запарился. Для чего живу. Углекислый газ вырабатываю, чтобы растениям

было лучше.

Наутро майор представил нашего непосредственного командира – старшего лейтенанта в очках и двух сержантов. Майор был возрастной и запойного вида. Он старался ни во что не вмешиваться и со всеми ладить. Безобразия, которые творились во вверенной ему части, его не интересовали. Не успел он уйти, как пришел капитан с маленькими глазками и противной ухмылкой, очевидно из тыловигов – паскуда та еще! Выбрал бойцов, у которых обмундирование было получше, и увел куда-то. Мы в этот набор не попали – успели хорошо пропотеть на даче у полковника. Вернул ребят через час, в каком-то рванье, не по росту, некоторые комплекты были в плохо застиранной крови, явно с убитых или из госпиталей. Тихо привел, ... даже стеснительно и сразу виновато ушел. Есть такие стыдливые грабители или киллеры, ... которые, прежде чем убить извиняются: «Ничего личного браток, прости – просто такая работа!» Пиф-паф и в дамки! У этого капитана тоже была работа на себя, небольшой бизнес, который приносил устойчивый доход.

– Нас убьют – это расходный материал, а форму им жалко, – бросил один из обобранных горемык.

– Все новое наши командиры уже продали. Да и какая разница теперь, – обреченно обронил другой, закатывая длинные рукава.

– Войско и было неказистое – а тут полное ЧМО стало, – бросил Лопушинский морща лоб. – Кстати, знаете, как у нас в Одессе расшифровывается ЧМО? ... «Человек морально опущенный».

Лопушинский у нас получил прозвище Лопушок, за маленький рост и покладистость.

– Хоть горшком называйте, только в печку не ставьте! – улыбаясь, безропотно соглашался он.

Накануне нам начали выдавать автоматы и патроны в цинках. К тесной оружейке прирос длинный хвост. Дошла очередь и до нас.

– Ну, дела! – тихо возмущался Димка Гаврилов, и глаза его наливались праведным гневом. – Приклад с первого раза не раскладывается. А сюда глянь – газовый поршень – слой хрома тоньше волоса. Треснутая рукоятка. Где они это оружие взяли? Как из него стрелять? А грязные?!

– Не задерживаем! – хмуро бросал прапорщик и смотрел бесцветными рыбьими глазами мимо нас, на следующих.

У меня и ребят оружие было немногим лучше. Мне попался АК-74М 1992 г. выпуска, без ремня, российского производства завода Ижмаш, на котором стоял год и боевое клеймо – «стрела в треугольнике». Пока разбирался, увидел, пацаны открыли цинки, матюгаются пуще прежнего – в три этажа кроют. Не знаю, где они хранили цинки и как, ... но, когда мы их вскрыли, там были просто сухие как в накипи комки, а не патроны.

– П*дец, я первый раз такое вижу! Как набивать рожки этой х*йнёй, – вытянулось лицо у Новикова. – А если заклинит или ствол разобьет? Без рук останешься и с рожей «козлячей».

– Зато таки самый настоящий ветеран АТО станешь, и сразу спишут. Живым останешься, – заявил Моня и серьезно посмотрел на всех.

Никто не понял, шутил он как всегда или нет. Стали отбирать, протирать, патроны. Зелено-синие гильзы были в серых раковинах, а некоторые насквозь сгнили и как спички переламывались. А что делать? Других нет! Принялись выколупывать. Других не дадут а спрашивать себе дороже, а как там, в бою повернется, ... припрет, из палки стрелять будешь.

Первые испытания

Нас подняли ни свет ни заря. Ночные тревоги в армии, это особый шик, как шампанское для любимой, это то, без чего просто скучно нашим командирам. Если есть возможность перевернуть все вверх дном, то почему от этого отказываться.

– Все овощи, хватит жопу мять!! – послышалась резкая команда среди ночи.

Распахнулись полы палатки, заскользили лучи фонариков «нацгвардов». Натыкаясь, друг на друга, заспанные, ничего не понимающие бойцы, пытались нащарить форму, ботинки.

– Они бы сперва засунули шнобель на часы, – ворчал Мона, – выяснили который час, прежде чем нас будить!

– Бегом свидомые! Плохо собираетесь, бегите ДЛНР удобрять. Это большая честь для вас!

– Ходу. Ходу. Мать вашу!! По полной выкладке, щенки харьковские, вперед прорыв затыкать! Ваши родственники совсем «охерели», позиции прорвали!!!

– Донецкая и Харьковская область граничат, но не родственники же? – огрызнулся Гаврилов.

Подъем среди ночи проходил тяжело. Солдатской выправки у нас, конечно, не было. Откуда ей было взяться, за неделю занятий, которых и занятиями назвать можно было с большой натяжкой, а «нацгварды» свирепствовали, под-

гоняли нерадивых тумакami и пинками. Всюду лилась широким потоком самая пошлая площадная брань:

– Скорей суки!! «Драконьте» свой рваный анус! А то пройдемся по нему большим деревянным дилдо!!!

– А ты-ы-ы... .. щенок!!! – это получил волшебное ускорение Лопушок, метра на три отлетая от верзилы с огромными ботинками-берцами.

– Ой, чтобы они так жили, как хотят нам, – лепетал Моня, зажимая казенную часть руками. На лице его показались непрощенные слезы. – Одним бог дал крылья, а другим пендель и все летят, только ощущения разные.

– Смотрите, не обосритесь по дороге на передовую, трусливые твари!!! – неслоь нам в след.

– Моя задница стала не тухес, а прямо-таки мечта проктолога, – причитал Лопушок. – Я же тюля, чересчур хрупкого телосложения, не представляющая какой-либо серьезной угрозы, а им бы все стебаться.

– Давай Моня, давай, – серьезно подгонял я его.

– Нас имеют за идиотов!

– Потом разберемся! А то еще получишь хорошую «мандюлю».

– Уже зажал очко и бегу, разве ты не видишь?!

Рота как могла, построилась. Спустя пятнадцать минут мы двинулись. Компас Адрианова, карта, фонарик, – нехитрый командирский набор. Кругом была непроглядная ночь, и глухая канонада звучала со всех сторон. Было не по се-

бе. Ранцевая УКВ радиостанция Р-109М была с консервации и выдавала только треск. Связь отсутствовала – ее никто перед выходом не проверил. Но командиры вели уверенно, сержанты подбадривали, подгоняли отстающих.

Нами руководил старший лейтенант из запасников, с очень русской фамилией Петров. Он имел за плечами, в далеком прошлом, военную кафедру. У него была простая биография: сельхозинститут, молочный завод, зона АТО. Назвался груздем, полезай в кузов. По внешнему виду Петров уважения не внушал – замухрышка в очках, правда, голос у него оказался неожиданно низкий, густой!

Шли без привалов и перекуров.

– Скорей! Скорей! – гнали отстающих и добавляли непечатных выражений. Тут можно было много узнать о себе и своей половой принадлежности, если ты оказался в хвосте.

Старлей хотел выслужиться, а может, не имел опыта: совсем не давал отдыхать. Протопали километров восемь. Остановились, упарились, ночной ветерок приятно охлаждал лица. Все жадно курили и были напряжены.

– Не надо гнать волну, это еще не шторм! – со всезнающим видом, умозаключал Моня.

Старлей старательно, по карте, измерял пройденное расстояние курвиметром. Неказистое колесико с цифрами – незаменимый прибор среди штабных. Его изобрел еще Ломоносов, но он исправно продолжал мерить неправильные кривые.

– Ша! Тихо! – предупредительно приложив указательный палец к губам, прошептал Моня. – Такому поцу для солидности нужно песочные часы на руке носить. Он разрабатывает в Зеркальном зале Версаля... таки план, достойный кайзера Вильгельма!

Оказывается, мы запутались, пошли не по той дороге, и нужно было возвращаться.

– Кругом! Шагом марш! – дрогнув голосом, скомандовал Петров.

Хвост оказался впереди, и объяснений не последовало. Солдату много знать не положено, и ночная прогулка продолжалась. Мы шли в непроглядную темень, тревожное небо оказалось у нас за спиной.

– Рак костного мозга в блуждающем ребре, – раздалось из середины колонны.

Всем стало смешно. Петров сделал вид, что не услышал.

Когда прошли около километра в обратном направлении, заметили одинокую фигуру впереди и насторожились. Мы недавно здесь шли. Что бы это значило?

А случилась невероятная история, которая возможна только в армии! Оказывается это, был какой-то «дурик» из третьего взвода. Он умудрился потеряться, пока ходил по большому. Боец задержался в лесу, больше, чем следовало. Очевидно, в мирной жизни он, любил посидеть на унитазе с газеткой и потерял связь с действительностью. Облегченный, он вышел из зарослей, и пошел на радостях в обрат-

ную сторону, перепутав направление. И вот уже не до шуток: один-одинешенек, ночь, кто-то его настигает. «Свои не свои?!!» Автомат «герой» предупредительно запнул в кусты, очевидно, собрался сдаваться. Вот ему была радость, когда обнаружилось, что догнали его мы.

Сбивчивый рассказ бедолаги повеселил неизбалованную армейскую публику.

– Ша! ... Вы вот это здесь рассказываете на полном серьезе?! – восклицал громко Моня, кося глазами от предвкушения. – Рассказываете, ничем не рискуя?! Нет! Вы нам просто начинаете нравиться! Французские ароматы до сих пор, по-моему, местами задержались на вас!

Хохот пошел волнами! Чем только не наградили его местные острословы. Даже приклеили кличку «Суворов». Кажется, легче стало идти – смех в походе великое дело, а если бы не перепутались? От смешного, до трагического – один шаг.

Чуть забрезжил рассвет, когда добрались, до перекрестка, но он, как ни удивительно, не был обозначен на карте. Это говорило, что мы заблудились. Необходимо было понять, где мы находимся. Наскоро созвали Совет в Филях! Петров и два сержанта, спорили до хрипоты, но чем громче были их выражения, – тем, очевидно, меньше ясности.

– «Тудую... сюдою»! Два прикурка в три ряда! Сами ни хрена не знают! – беззлобно ворчал Моня, – пытаюсь выцедить из фляжки остатки воды.

– Старлей мало-мало знал, а за «молочные годы» и то за-

был, что преподавали, – брякнул я.

– Не мудрено.

Решили ориентироваться не по карте, а по звукам боя. Часам к одиннадцати, наконец, вышли, к линии соприкосновения и встретили бойцов из соседней бригады. Оказывается, мы забрели не туда куда надо, сделали огромный ненужный крюк, а потом еще его увеличили. Дело приобретало скверный оборот!! Старлей побледнел, трухнул и давай орать, чтобы мы перешли на бег. «Куда там. ... Но потрусили».

Бежали вдоль линии фронта, а вообще не столько бежали, сколько делали вид, потому что сил после марша, уже не осталось, но дело пахло керосином. Петров уже не орал, а просил, умолял добавить.

– Ребятушки! Ребятушки!

– Щас, только разбег возьму и с низкого старта, – подбадривал себя Моня, обливаясь потом и дико вращая глазами.

– Ребятушки уже как «козлятушки», – пыхтел я, – на последнем издыхании.

Появились отстающие. Старлей умчался назад, работал добрым словом и «трехэтажными». Голова колонны в его отсутствие перешла на шаг. Потные сержанты сновали, как загнанные мыши. Им приходилось еще бегать вдоль колонны, переходить с права на лево и обратно, а это была дополнительная нагрузка.

Выглянуло солнце, стало припекать. Почти у всех закончилась вода, во рту пересохло, а кто пил, отворачивался.

Остальные жадно ловили взглядом счастливирика. Надо было делать привал, но старлей упорно гнал колонну, превратившуюся в неорганизованную толпу. Взводы окончательно перемешались. Наконец и он выдохся, свалился на траву и все как по команде за ним.

Один Моня не унывал, глядя в голубое бездонное небо:
– Я, как та лошадь на свадьбе: морда в цветах, а задница в мыле, – заявил он и вдруг на распев выдал озорной куплет, лежа на спине:

«Мой братан для марафету бабочку одел,
На резном ходу штиблеты – лорд их не имел.
Клифт парижский от Диора, вязаный картуз.
Ой, кому-то будет сорез, ой, бубновый туз!»

Он замолчал, и застрекотали кузнечики, а где-то далеко очень глухо бухало и стучало. Если удавалось прислонить ухо к земле, то звуки становились слышней. Трава была настояна на клевере, тысячелистнике и отдавала прелым, а по небу ползли легкие облака. Ветер был западный.

«Может, это облако пролетало над моим домом? – подумал я. – Двести километров и никакой войны!! Маманька придет с работы, пожарит котлеты, отварит рожки и можно взять в киоске у Сухой балки пива. Сколько хочешь «Янтарного светлого», «Веселого монаха»,» или Черниговского», а может «Монастырского», или «Славутича с двойным хмелем». Сейчас хотя бы баночку любого, холодненького!»! Только у нас в Червонозаводском, единица измерения пи-

ва – была ящик или упаковка. Это у нас на рынке можно было купить джинсы Dolce & Gabbana за 200 грн., а на сдачу тебе могли еще вручить носочки от Valentino или Versace. А про ослепительную красоту местных кареглазых девчонок... в белых блузках с большим вырезом и черных сарафанах, отороченных красной каймой – даже не стоит вспоминать. Эти клетчатые юбки, что были много выше колен! А какие соблазнительные ножки! Взгляд ел такую красавицу, начиная со строгого пробора на голове, чуть задерживался на пышущей здоровьем груди, не помещавшейся в блузке, и скользил до высоких каблучков и горящих туфель лодочкой. Да! Мечты. Где же вы наши девчонки, где мой отчий дом?!».

Минут через пять Петров, шатаясь, поднялся и вновь послал нас вперед.

– Откуда он силы находит задохлик?! – удивлялся Новиков, с трудом поднимаясь на ослабевших ногах.

– Дело серьезное! – хмурился Гаврилов, его тоже пошатывало. – Надо терпеть!

Мы бежали через силу. Старлея было жалко – «сельхозник» – разве он думал попасть на войну. Коровки-буренки. Он был спец по качеству молока и больше пробирки ничего не поднимал, но молоко стало не в моде – пошел другой тренд.

– Могут расстрелять, если «сепара» прорвались, – предположил я, переводя дух. – Виновного всегда найдут.

– А тут и искать не надо, – цедил Гаврилов, пытаясь сплю-

нуть, но слюны уже не было. – Никто не спросит, что за военная кафедра, чему там учили, и почему не было переподготовки?!

Старлей поплелся в хвост, мы сразу перешли на шаг.

– Если отобьются, то ничего, – размышлял я, вытирая лоб, – но на войне наказывают не тех и не за то. Блестящие кабинетные операции наших штабов проваливают трусы на передовой. Это давно известно! Командование на себя грехи не возьмет. Кто попался первый под руку – тот и виноват.

Мы опять перешли на легкую трусцу. Редкий дубовый лесок и кусты акации закончились. Впереди раскинулось обширное и ровное, как тарелка, поле, а линии фронта не было. Была граница соприкосновения с противником, но где она – никто не знал.

Двигаться в колонне становилось опасно. Старлей, забравшись на какую-то кочку, стал напряженно всматриваться в бинокль. Он протирал линзы собственных очков и мутные китайские окуляры Bassell, и опять до боли шарил по пустым посадкам, полям.

«Что таят эти мирные украинские перелески? Не спрятана ли где-нибудь вражеская батарея?» – думал каждый из нас.

– Хоть наденьте глаза на морду, хоть нет, – невесело лепетал Моня, размазывая грязь по лицу, – это же почти арена Киевского Динамо, тут как голому в баню. Там прячут-

ся, эти сволочи, которые нас так любят. Хотят, чтобы дырок в наших телах было гораздо больше, и мы уже начинали тихо-мирно вонять.

– Не каркай, – прервал его Гаврилов.

Старлей последний раз тревожно посмотрел на нас, и прозвучала неуверенная команда:

– Рассредоточиться! Больше пяти не собираться! При обнаружении двигаться короткими перебежками!

Голос у него был хороший, низкий, мужской и наверно он стал бы настоящим командиром, но надо было ему пережить этот день. А там может и год будет по силам?! Кто знает, что будет через год? На такой срок никто загадывал.

Распределились мелкими группами, по три-пять человек. Мы как в тире! Нас видать отовсюду.

– Пирожочки, пирожочки из мясом! – бухтел Моня.

– Какие пирожки? – поинтересовался я, переводя дух.

– Это мы! Пирожочки: «Доживу ли до утра?» Да. Горяченькие! Налетай «сепара». Подешевело!

– Да прорвемся Моня! – скрепя сердцем, выдыхал я. – Должны. Всех не побьют.

Удивительно, но ни одного выстрела с той стороны не было! На войне иногда везет. Нам подфартило, никто не стрелял. Наконец, к полудню притопали наконец туда куда надо. Измотанные, но все же дотащились. Но там еще ночью без нас все решилось. «сепара» или проверяли бдительность или устраивали разведку боем. Не добившись успеха, они отсту-

пили. Вторую половину ночи все, кроме дозоров, спали, а мы шастали и давали двойного кругаля.

Старлею повезло: трибунал отменялся. Аннуляция приказа поступила через пятнадцать минут, после того как мы вышли из расположения, но мы об этом не знали. Если бы была исправна радиостанция, нас бы просто сразу вернули в назад.

А солнце палило нещадно. Мы сгрудились под тремя ху-досочными тополями, ища спасительную тень. Вниманием опять завладел Лопушок забравшись на снарядный ящик.

– Но... – он поднял палец, как всегда, делали старые одеситы, когда требовали внимания к информации, – я попытаюсь «Чуточку» рассказать о, увы, канувшем в лету славном старом городе, до того, как его заволокли «Рэднеки». Наш сапожник Изя, сей «Homo odessites» на Новом базаре, что трудился наверно со дня основания города, несмотря на всеобщее среднее образование, ежедневно в полдень вывешивал на двери своей мастерской табличку, где в слове из четырёх букв было три ошибки: «Апет». Но все понимали. Однако я дико извиняюсь, но Изя, по существу, был прав. Командиры! Война войной, а обед таки по расписанию?!

Мольба Мони повисла в воздухе. На нас не рассчитывали. Местное начальство было нами не обрадовано – мы раскрывали расположение передовой линии обороны.

– Лейтенант! Что за бардак вы тут устроили! – хрипел серый от пыли незнакомый майор. – Стройте людей и линяйте!

Быстрой мать вашу, вояки хреновы!

Мы успели сделать запасы теплой воды из штабного бака и практически опустошили его. Они, очевидно, позднее вспомнили нас неласковым словом.

– Граждане командиры... и куда делся порядок?! Я же насчет обеда ... – потерянным голосом продолжал вещать Мона, пытаясь достучаться до совести тех, от кого это зависело.

– Правильно!

– Верно! – раздавались одобрительные голоса.

– И шоб мы так стреляли, как вы нас кормили, – не унимался почувствовавший поддержку Лопушок.

И вдруг просвистели три шальных снаряда. Разрывы были не близкие, но они сорвали нас. Мы, как ветер, торопливо рванули обратно. Тут уже не до еды.

Пробежав небыстрым галопом с километр, мы свернули в лесок, и нестройная колонна окончательно распалась. Оказывается, ночью собираясь в спешке, некоторые в темноте не нашли носков; надели ботинки на голую ногу и сбили их до кровавых мозолей. Сержанты засновали от одного к другому и попеременно с трёхэтажными показывали, как правильно обработать раны, завернуть бинтами ступни. Матерки в армии часто не для ругательств, а просто для связки слов – так удобней и доходчивей.

– Вот так «уё*ки»! И стрелять в вас не надо. Готовое уже удобрение. Мотайте шибче!

– Кому они уши шлифуют. «Кругом-бегом?» – возмущал-

ся Моня.

– А хоть бы и так – сооружал себе белые носки Новиков, – для этого бинты тоже сгодятся.

– Это скупая сержантская любовь... – философствовал Гаврилов. – Не обижайтесь.

Мы с ним были обуты по форме.

– Та шо Вы мне балакайте? Кто ж не знал, шо одевать надо! – возмущался Лопушок. – Знали. У mine один носок одет, успел. А второй в карман «заныкал», но потерял. Полосатенький, никто не находил?

Бойцы разбрелись по лесу, срезали подходящего размера ветки. Главное было найти ствол с полукруглым ответвлением, чтобы задействовать плечо. Соорудили подобие костыльков, забрали у инвалидов оружие, и пришлось идти с перерывами. Голодные и изможденные, мы добрались в расположение части поздним вечером, и вид у подразделения был ужасающий: люди валились с ног, не все смогли даже найти силы поесть. «нацгварды» смотрели на эту картину спокойно со скрытым злорадством, сплевывая через губу:

– Вояки хреновы! Ну да, лаптями торговать – образование нужно, а ноги в носки одеть – высшая математика! Не забудьте до сортира сбегать. Нам делать больше не хер, как за вами гавно убирать? Придурки!!

– Ё- маё!!! Ту Люсю!!! – громко шептал мне Паша Новиков. – Спрашивается, ... Блин! Кто нас придурков пинками из палаток гнал!?! Как всегда, мы и виноваты во всем.

Глаза мои невольно скользнули по шевелюре Новикова. Отпад! Мелированные волосы приобрели интересный цвет какао с молоком. Юдашкин бы точно позавидовал, если, конечно, особо не приноживался.

– Нам будут морды бить, – бросил Гаврилов, – издеваться ..., и они всерьез хотят, чтобы мы защищали эту Украину?!

– Причем здесь Украина и эта плесень?! – громко прервал я его и увидел, как лица пацанов дружно обернулись ко мне, но я продолжил:

– Что в советской армии не было беспредела старослужащих? Не было издевательств, побоев, самоубийств, самострелов? Эти комендантские роты, взводы новое изобретение?! Да-а, пристроились скоты, чтобы под пули не лезть. Пользуются моментом. Но если ты достаешь банку с вареньем из погреба, а в ней сверху плесень, ты же не будешь выбрасываешь ее. Собрал ложечкой аккуратно, и чистенькое стало. Ягодка к ягодке. Дедовщина была, есть и будет, но от этого никто Родину не предавал. Я думаю, это временное явление.

– Ой-ой-ой! Защитничек!! И флаг тебе в руки, – процедил Гаврилов. – Старайся. Пока тебе все зубы не выбили. А то медальку, какую вручат за доблесть, а ты не сможешь поблагодарить, не произнесешь священное: «Слава Украине!»

– Не стоит за меня волноваться, – хмуро возразил я. – Как-нибудь сам разберусь.

Ночь была тревожная беспокойная, артобстрел то прибли-

жался, то удалялся; земля подрагивала, но мы ничего не чувствовали: куда-то провалились. Перед рассветом к нам в расположение заехал большой зеленый грузовик. Он сминал траву в росе, и мокрые темные полосы полукругом вились за ним. Водитель выбрал для стоянки дальний уголок под липами. Это был защитного цвета кунг: каркасно-металлический фургон на базе КраЗа, на крыше которого был установлен плоский бак с водой. Военная баня – счастье для солдата. Раздевалка, моечное отделение, парная. Она весело топилась печкой-буржуйкой, которая заканчивалась дымовой трубой. Внутри стены были отделаны, свежей вагонкой.

Нас запустили после «нацгвардов» и отведенных трех часов, подразделениям не хватило. Банщики, четыре срочника, ворчали, мы улыбались – баня это все! После бани и умирать не страшно!!

Я вышел в числе последних. Ребята уже кружком сидели на траве в тени лип. Тело дышало, все поры были открыты и души тоже. Вниманием, как всегда, владел неутомимый Моня. Голос его звучал уверенно звонко:

– ... и в тот час, когда близнецы Дохманы, вместе с Плешивым Брауном, перлись в бордель-гостиницу Сашки Малавки на Мациевской, а Татарин Выча, посылал портового боцмана Вратаски, на государственном языке межнационального общения дальше Маяцкой стрелки – мама Лени с Канатной и биндюжники спокойно добрались до порта...

Слушатели были все во внимании. Его истории были бес-

конечны, как вода в ручье, зажигательны как огонь и приправлены перцем, как весь одесский юмор. Птицы щебетали по мирному, а канонада была почти не слышна. Жизнь налаживалась, ну или так казалось.

Следующий день ознаменовался радостным событием. К Сашке Басаргину из второго взвода – я его немного знал, он жил в Червонозаводском, на Гончарной – приехала невеста с подружкой.

Кто не был в армии, тот не поймет – даже объяснять не надо. Все бойцы роты, кто был не занят в карауле или хозяйственных работах, высыпали на аллеи между палаток.

– Господа! Имею слово сказать! – распалялся Моня, пожирая барышень глазами. – Это же не тюльки, это же прямо две дунайские селедки!!! Спрашивается вопрос к Сашко: когда успел?!

Девушек встречали как инопланетных существ. Казалось, лучше их не было на свете. Такие две Мэрилин Монро дефилировали по палаточному Бродвею и ловили наши восторженные взгляды. За ними, как гусь, шествовал майор и нес их поклажу: пару сумок и курточки.

– Старый, старый... а лицо как у мартовского кота! – припечатал кто-то с соседней палатки.

– Точно. Пенек трухлявый, а будто медом ему губы помазали.

В палатку они не пошли: где там разместиться, и запах там был соответствующий, носочно-ботиночный несмотря на проветривание, а сели на травку, на плацу. Вся рота стояла у своих палаток, почти по стойке смирно и смотрела на чудесное представление, а Сашка блестел золотой «фиксой» и сиял как начищенный медный пятак.

— Пока мы как «адиёты» обливаясь потом, отдыхали в Ямполовке, — с невозмутимым видом просвещал нас Моня, — у нас в лагере некоторые так не тратили время даром. Нарушив наш боевой настрой и никого, не предупредив, Лександр Батькович пригласил двух роскошных фиф. Это вам не какие-то крашенные «подзаборницы». Кстати, справочка. Фифа — мадам, искренне считающая себя мисс Мира безо всяких там лишних конкурсов красоты. Но это даже не фифы!! Я дико извиняюсь! Это конечно фифочки, которые полностью разделяют эту точку зрения мадам, но еще до замужества.

— Хороши лярвы! — мечтательно согласился Новиков, закатывая глаза и взгляд его погрузнел.

— Щёбы я так жил! Аж страшно наверно рядом с ними идти по прошпекту! Это как дефилировать с кучей ассигнаций в картофельной сетке.

— Ну, кому-то же они достаются?! — вздохнул Гаврилов, смешно наморщив лоб.

— Фигня! — процедил, сплевывая Новиков. — Плавали, бывало! Хотя лучше лежать с прежней телкой, чем с новой бо-

лезную.

Моня собрал глаза кучкой на переносицу, потрогал нос и улыбнулся:

– Разве я говорю нет?

Представление закончилось распитием бутылочки белого сухого Real Forte. Майор милостиво разрешил по такому случаю Басаргину и сам присоединился.

– Godbye! девчонки! Как мы тут скучаем без вас! – крикнул кто-то, когда они уходили.

Это было правдой. Этот кто-то сказал за всех нас.

В течение недели в лагере установилось относительное спокойствие, но «нацгвардов» это не устраивало. Каждый вечер они вколачивали нам, что мы на крючке у комендантского взвода, а его задача воспитывать нас всеми возможными методами. Самый иезуитский способ заключался в следующем: они любили неслышно красться по дорожкам среди палаток или тайно подобраться к курилке. Особенно их раздражало, если откуда-то звучал смех.

– Хорошо живется паскудам! – «беленились» они, и, казалось, руки у них дрожали от негодования.

Тихо, обязательно тихо, воспитатель говорил, скорее, шептал под нос:

– Слава Украине!

Если мы не подсакивали и не рапортовали:

– Героям Слава! – возвращался и заявлял, что вечером будет политинформация на плацу. Плац – это поляна за оружейкой. Политинформация: будут избивать, нещадно до членовредительства. В таких случаях лучше было падать. Пока нацгвард, не сбивал с ног, не успокаивался. Такая натура. Если кто-нибудь из попавшихся в курилке не приходил, все равно узнавали и били всю палатку, где жил тот, кто не пришел. «Слава Украине – Героям Слава!» Это ты должен был крикнуть даже ночью на автомате, когда бы тебя ни разбудили.

– А что, если их дом колючей проволокой обмотать! – вякнул Гаврилов. – И боевых гадюк им запустить.

– Таки да...! – соглашался Моня. – Ну вот почему они, когда маленькими были не сдохли?! Насколько было бы меньше проблем!

Я нашел минутку, позвонил домой.

– Привет мама! Как вы там? ... Понятно. Мы уже в части. У нас все хорошо. Сегодня давали манную кашу. Это кошмар, ты знаешь, как я ее люблю. ... Да, конечно. ... Да, здоров. Может, даже поправился. Не курорт, но жить можно.

Время летело, свободных минут не оставалось, и это было хорошо. Если задумываться обо всем – было бы тяжелее.

Один фрукт из нашей палатки, белобрысый Козьменко, начал заигрывать с нацгвардами. Его часто наблюдали в их окружении. Он шестерил, оказывал им мелкие услуги, а перед нами, напротив, ходил с надменно брюзгливым выра-

жением лица, неопределенно на что-то намекал. В конце концов, наша неразлучная команда, собралась его проучить. Подкараулили уклониста на выходе из туалета, накинули на голову его же одеяло и молча хорошо отвалтузили. Парня как подменили. Он оказался понятливый. Вновь стал как все, а «нацгвардов» стал избегать за километр.

Сегодня к полудню, когда стало особенно припекать, приехали волонтеры из организации «Волонтерский десант». Хлопцы нормальные, но почему-то не в армии. Привезли продукты, в основном рыбные и мясные консервы, сигареты «Максим», теплые вещи, талисманы. Талисманы нам были особенно нужны. Хорошо бы намоленные! Одного парня я запомнил – это был Николай, голубоглазый с рыжей бородкой и кликухой – «Ник». «Хороший позывной, можно было бы себе взять» – подумал я. Он носил красную нить на запястье правой руки и верил, что она поможет стать неуязвимым.

– Считается, что через камень можно обрести силу и стать хозяином своей судьбы, но я предпочитаю нить! – очень серьезно и вдумчиво заявлял Николай.

«Да! Наверно что-то в этом есть, если тем более не приближаться к передовой ближе, чем на десять километров» – усмехнувшись подумал я.

От Николая пахло хорошими мужскими духами Расо Rabanne, и он был очень мужественный, с легкой небритостью, и ногти его были аккуратно обработаны пилочкой.

Ник решил сфотографироваться на память с нами. Мы были не против. Он поправил красный с золотом, нагрудный отличительный знак «Обовязок виконана з честью» /Обязанность выполнена с честью/, на колени положил несколько бронежилетов, и комплектов новой формы.

– А вот обратите внимание! Один комплект особенный! Мы сами участвовали в разработке формы, – выпалил Ник с гордостью и развернул его.

Я увидел в обновках элементы формы морской пехоты США. Той самой парадной, что носил актер Том Хэнкс в фильме «Форрест Гамп», но разочаровывать его сомнениями в откровенном плагиате не стал.

Фотки получились отменные. В конце, перед тем как уехать, он раздал нам подарки. Обязанность была выполнена с честью.

– Прямо лавка Мадам Зипперович! – вздохнул Моня, – неужели этот Додик совсем адиёт, или только прикидывается. Красавчик – с него бы получился хороший народный депутат от Одессы.

Ник действительно был очень славный и наивный. Он только вышел за порог, у нас все забрали «нацгварды».

– Я «херею» от этих людей! – вздохнул я. – Ну, неужели они думают, что продукты, вещи и все что они привозят, доходит до рядовых бойцов?!

– Ну да, если только сидеть и ждать пока мы все съедим и сносим при них, – поддержал меня Новиков.

Волонтеры! Они свято верили в это. Я не знаю как где, а у нас все получали «нацгварды», что бы распределить в одном направлении: почта работала исправно. Новые комплекты на рынках можно было еще раз продать. Покупали же сердобольные, слали нам... и осуществлялся круговорот воды в природе. Кто-то получал душевное спокойствие, призрачную славу, а кто-то деньги.

– «Неучтенка» это золотое дно, – заявил я Новикову. – Задрало. Все всё знают, но молчат и «нацгварды» опять в шоколаде.

– Да. Кому война – кому мать родная.

Я еще не сказал, что в нашу палатку попал Валеk, который так здорово выручил нас в свое время со спиртом. Собственно, мы сами его пригласили, когда заселялись. Он незаметно примкнул к нашей четверке, и мы теперь держались вместе. Как-то в порыве чувств, я решил подарить ему сваренный мной топорик. В свое время его не обнаружили «нацгварды», когда нас потрошили. Он очень заинтересовался и обрадовался подарку. В свободное время Валеk практически не выпускал его из рук: уходил, метал в деревья, считал обороты, шаги, любовно точил об кирпичи и чуть ли не спал с ним.

– Эх!! Щёбы я так жил! Метатель топоров из племени Кровавого Скальпа! – расцветал от улыбки Лопушок.

Я только радовался его неожиданному увлечению. Никто тогда не мог предположить беды, а она уже караулила нас.

Первый бой, он трудный самый

Через неделю, когда ноги пострадавших зажили, нас послали в первый бой. Да и не бой это был. Рано утром роту подняли, опять не накормили, дали сухой паек, и отправили. Предстоял марш восемь километров. Конечным пунктом определили заброшенный полевой стан тракторной бригады, бывшего совхоза «Рассвет».

По гравийной дороге, неровными взводными колоннами, мы шли без разведки, без головной заставы, без боевого охранения, как и в прошлый раз.

Наш замухрышка старлей, блестя очками, шел впереди, и командирский планшет весело бил ему по тощей заднице. «Ать-два! Веселей шагай! ... Веселей шагай! Не падай!». Сержанты услужливо шли по бокам, а рядом прилепился радист с радиостанцией.

– Что этот штымп? – лепетал Моня. – Слишком быстро «пешкодралим», шо то, кажется, захотели с нас олимпийцев слепить.

Не успели мы дойти до полевого стана с километр, как вдруг свет померк и что-то обрушилось. Мы присели от неожиданности. Кто-то упал на колени. Некоторые поползли. Все окуталось дымом. Без промедления ударило снова и снова. Крики! Кошмар!! Кажется, вся дорога вздыбилась и опрокинулась на нас! Ничего не стало видно. Темно.

Песок в глазах, едкий запах тола и взрывчатки. Второй взвод, который шёл впереди, перестал существовать в принципе. Туда ёб... , в смысле упало, почти одновременно шесть мин. Легли плотно – две батареи работали.

– Самолет, – истошно крикнул кто-то. – Бомбы!

– 120 мм минометы шарашат!! – в ответ крикнули слева. Этот, слева, видать был более опытный.

Мы действительно попали под минометный обстрел. До лесополосы, откуда вели огонь, было далеко, не менее двух километров, а чистое поле давало стреляющим прекрасный обзор. Бойцы кинулась к ближайшей посадке. Но мы просматривались: начало взрываться и там. Весь жиденький лесок звенел, шипел от осколков. Они летели метров на 200 и стригли все вокруг как гигантская коса смерти. Падали ветви молодых дубков, им отсекало вершины, переламывало пополам. Некоторые деревья выворачивало с корнем. Воронки от 16 килограммовой осколочно-фугасной мины достигали четырех метров в диаметре и метра в глубину. Лесополоса на наших глазах начала таять, превращаясь в бесформенное нагромождение веток, стволов, глубоких дымящихся ям.

Пацаны на все забили и драпанули обратно в лагерь, прикрываясь остатками лесополосы и кустами. За ротой, по пятам, шли взрывы, шла смерть. Но взрывы были уже неприцельные, наугад. Помогла небольшая низина и мелкий овраг. Откуда силы взялись после марша?! Не знаю! Мы мчались

по кустам как стадо бизонов, и за нами образовывалась дорога, как после трактора. Благо за нами никто не гнался: сбегли автоматы.

В конце концов не помню, как дошли. Всю воду из фляжек, конечно, выхлестали. Я упал, но меня в чувство привел конкретный пинок моего заводчанина. Убили его потом, Василек Гапуло, клевый пацан был. Только тогда я узнал, почему наши доблестные вооружённые силы оборудовали в глубоким тылу так много блокпостов. Криками, матами и пулемётными очередями нас «мягко» убеждали возвращаться обратно, выполнять боевую задачу. Бетонные блоки – «пятидесятка»! Амбразура – тонкая щель, рычащий ствол станкового пулемета с раструбом, а мы уже после 16 километров марша и огневого воздействия, ничего не понимали. Они не отставали, орали, не выходя из укрытий:

– Презервативы штопанные!!! Вы при первых признаках опасности как крысы разбежались, роняя кал и золотые ба-тоны! Вам суки долбанные, на всю жизнь, от рождения памперс прописан!

«нацгварды» при этом стреляли низко, поверх наших голов. Срубленные ветки летели, но никто не поднимался. Мы не успевали стряхнуть с себя иголки, а над нами опять:

– Трах-тах-итах-тах! – перерыв, – Трах-тах-итах-тах! – только немного ниже и уже новые совсем близкие ветки ва-лились нам за шиворот!

– А ты что не воюешь за Родину тля укропная? – кричал

кто-то, из наших, обращаясь к тем, кто отсиживался за толстыми стенами из бетона, – обосрался от страха и ненависти, б*ядина украинская?! Покажи пример!!

– Да мы следим, чтобы от вашего дёра ваши «пуканы» не разодрало!

Мы лежали, зажимались, пригибались от выстрелов. Только отпускало и опять. Мышцы непроизвольно реагировали. Пули над головой резали воздух.

– Я уже совсем похож на «шмондю»! – быстро, быстро моргая глазами, бурчал Моня.

– Это что за зверь?

– Это шмара, дорогая бикса по вызову, переутомившаяся от трудовых буден до такой степени, шо ей требуется немедленный отдых хотя бы в психдиспансере.

– И так бывает?

– Бывает.

– Да нам, где угодно, даже в Желтом доме! Согласен. Дали бы отлежаться! – орал я, перекрывая выстрелы, – но будем валяться здесь до победного.

– Когда-то же у этих «фрейдерастов-либерастов» кончатся патроны?!

– Никогда. Они у них стоят цинками.

Когда лежать надоело, я вдруг решил позвонить Ивану, повеселить его нашим концертом.

– Привет Ваня! ... И добрей бывает. ... Да что каждую неделю звонить. Вот решил, чтобы ты послушал нашу музы-

ку. Ничего лупят? Жаль, видео нет на телефоне, снял бы, как ветки на меня сыплются. ... Да нет, свои развлекаются. Есть тут у нас клоуны. Цирк уехал, а они остались. Да потом, при встрече, если жив останусь. Просто решил тебя повеселить. Не знаю, удалось ли?! Ну, давай пока. Мамане не проболтайся. Сдюжим.

– Трах-тах-итах-тах трах-тах-итах-тах!! – Коробка со снаряжённой лентой на 200 патронов, никак не торопилась заканчиваться.

«Нацгварды», устав видимо лупить над головой, стали опускать стволы ниже.

– Бросьте стрелять! – тонким девичьим голосом, закричал кто-то справа, когда пули изредка стали выбивать фонтанчики земли.

– Да Блиннн!!! Прекратите, угробите нас! – орали мы как оглашенные, встревоженные уже предельно низкими очередями.

– А вы твари, думали вас тут пряниками кормить будут, это ваша прямая обязанность – подыхать там, где скажут. Так что слюни подотрите, соберитесь и обратно по-пластунски, на карачках, назад на позиции – дезертирство своё кровью искупать!

– Сами суки туда хоть раз прогуляйтесь!

– Ха-ха-ха! У нас другое задание!

– Трах-тах-итах-тах! Трах-тах-итах-тах!

– Война, таки это вам не говно собачье! – бормотал Мо-

ня, рывком перекатываясь к Гаврилову, – хотя сейчас сильно напоминает его с виду. Чего они добиваются Гаврик?

– Да хотят из нас сделать безмозглых послушных тварей, типа амеб.

– И мы уже недалеко. Эту чахотку я уже чувствую наверно не вынесу!

Часа через два, когда мы были готовы конкретно стрелять в ответ, роте, наконец, отменили задачу и разрешили войти в расположение лагеря. До начальства дошло, что мы стадо, а не войско в таком состоянии. Нас разоружили, построили, и давай кулачищами как молотами работать, чтобы лицо было плоское, губы кровавое месиво и искры из глаз. С удовольствием «п*дили», но не всех, через одного, кто еще более или менее держался на ногах.

Те, кто с пулемётом и кто нас так мило херачил, – были одни и те же «друзья-братья». Всё те же откормленные «нацгварды». Ничего не поменялось. Им что? Тренировка. Мы груши для битья. Мясо. Харьковский фарш, которому надо было придать удобоваримую форму.

– Нет! Ну, сколько можно! – возмущался Диман. Ему опять досталось больше всех. – Это же полный пипец! И этому не видно конца!

– Радуйся, что живой, – успокаивал я его.

– Ну, в принципе да.

«На сегодня уже все, – подумал я, – точно все!» Ноги меня не держали. Я не помнил, как добрался до палатки и уснул

крепким сном. И мне ничего не снилось.

Утром выяснилось, что наступление захлебнулось – надобность в нашей роте отпала, и про нас на пару суток забыли.

– Привет мама! – пользуясь передышкой, звонил я домой. – Как вы там? Как у Ивана? ... У нас все хорошо. Валяемся. Ну, почти отдыхаем. Вот только вчера нас уговаривали полежать еще пару часов. ... Не шучу. Какие шутки. Когда тебя обманывал? ... Все. Все не буду. Да, здоров. Только мазь от комаров кончилась. ... Ну, уж как-нибудь вытерплю. Всем привет.

«Дом, и все, что было с ним связано, казались так далеко, из другой жизни. Кажется я на этой войне так долго. Это я просто не адаптировался, – убеждал я себя. – Человек ко всему привыкает. И я привыкну».

К профессорскому сынку, по прозвищу Груша, приехали родители. Он тоже жил в нашей палатке. Привезли грозное заключение, что его комиссуют в связи с плановой операцией на позвоночник. Мудреная латынь диагноза заворачивала. Восклицательные знаки не оставляли сомнений. Все бумаги были в порядке. Этот еврейчик мне и раньше говорил, что он тут не задержится. Я не верил, но деньги и связи на Украине решали все. Майор аккуратно поместил предупредительно изготовленные родителями копии себе в па-

почку, «поручкался» с Грушей.

– Что ж ты сынок! Такой больной и на войну к нам зате-
сался?! Жаль, жаль, а по виду не скажешь!!! – хитро улыбал-
ся майор.

– Да шо вы!!! Шо вы!!! – причитала мать, полная чер-
ная женщина похожая на заведующую магазином, – он у ми-
ни с детства в каких только больницах не лежал и ветья-ян-
кой и скай-атиной и бхо-онхитом болил... очень болезнен-
ный был...

Она опустила пухлую холеную ладонь, унизанную кольца-
ми в сумку за очередными бумагами, но майор остановил ее.

– Да верю, верю. Лечитесь, приходите здоровыми.

– Да уж обязательно... – скороговоркой причитала мать,
с силой шпыняя Грушу в бок, чтобы пошевеливался. –
Непье-е-еменно!! Мы же не пьё-о-отив!

– Такие артисты! Такие виртуозы, шо майор, шо эта ма-
дам! – шепнул Моня и расплылся в улыбке.

– Н-да! – грустно согласился я.

Грушевский-счастливчик, даже не зашел в палатку за сво-
ими вещами. Мать крепко схватила его и тащила, как на-
шкодившего школьника-малолетку к машине, что была оста-
новлена караульными у контрольно пропускного пункта. Он
спотыкался, оглядывался, наверно хотел с нами попрощать-
ся, но мать была неумолима как бульдозер. Отец, блестя
круглыми очками, какие носил Лаврентий Берия, ждал у ма-
шины. За происходящим с интересом глазели караульные

с КПП. Муж верил в свою Мару Моисеевну и не зря. Вся семья воссоединилась в объятьях, встав в кружок.

– Попроси помощь у бога..., и бог ответит тебе, – умозаключил я.

– Мимо войны. Мимо! Вот за шо нас не любят!! – с глубоким вздохом обронил Моня. – Не помните, кто дал кочергой по голове дворнику Гохману, шобы он прекратил мучить маленькую сволочь, из которой теперь вырос наш Грушевский! Хотя он не сволочь. С таким хорошим поведением он таки когда-нибудь станет самым настоящим «академиком».

– Соломон Борисович завидуйте молча! – процедил Новиков. – Вам это не идет. Это же ваши единокровные братья!

– И это мои братья по крови?! Боже-эж мой! Какой я «адиёт!» – картинно ужаснулся Моня. – Тогда шо такое фашисты?!!!

Глухо заурчал двигатель наемного такси. Черная иномарка, подпрыгивая на колдобинах, тяжело переваливаясь, повезла счастливую семейку подальше от войны, подальше от смерти.

– Пару штукарей отдали! – бросил, морща лоб, Моня. – Минимум на полгода индульгенция. Да-а-а. Проблемы, которые можно решить за деньги, это просто расходы.

Ему никто не возразил. Нам достались: его «броник», каска и дорожные шахматы. «Броник» и каску разыграли по жребии. Мне достался второй «броник» и я, поколебавшись, отдал его нашему маленькому гиганту Гаврилову.

С его комплекцией словить пулю было на раз два.

Мы подсчитывали потери. Наш взвод почти не пострадал: два трехсотых, и три человека с царапинами. Просто чудо после такой передряги! Кормили роту до отвала похлебкой из горохового концентрата, чтобы наверно не заскучали. Канонада стояла знатная, ни один враг бы не сунулся, услышав такое.

На третий день, когда спала жара, майор собрал нас. Он сидел на воздухе, за раскладным столом с незнакомым капитаном из бригады и еще одним в штатском и смотрел на нас укоризненно и устало. Вступительное слово было за ним. Говорить речи, про новый выбор Украины, он еще не научился и Майдан ему был далек и непонятен. Это был старый служака, переживший несколько властей, которому не дали спокойно дослужить до пенсии. На проделки «нацгвардов», на нужды призывников, – ему бы плевать. Он на все закрывал глаза... ему хотелось пройти по краю этот год, а там трава не расти. Говорил он о воинской дисциплине, но скучно и вяло. Абстрактно бубнил о Родине, и глаза его были тусклы и бесцветны.

Старые служаки зачастую совсем не военные. Двадцатилетие мирного существования, вытравило в них все, что можно было убить, и им претила война. Она им была непонятна и чужда. Всю жизнь Синицын только и делал вид, что трудился. Десятилетиями получал жалование, льготы, звания и вдруг за те же коврижки ему предложили начать на-

пряженно работать, спать в палатках, ходить по колено в грязи, ловить радикулит, бронхит, а то и шальную пулю или осколок. Это казалось несправедливым, это была жесткая гримаса судьбы.

Закончив сумбурную речь, он торопливо и с облегчением передал слово штатскому.

Это был молодой мужчина, красавец, которого я видел впервые. Черная потертая куртка сидела на нем как влитая. Серебряные замки чуть небрежно распущены. Взгляд проникновенный.

«Киевский! – сразу определил я, – или из-за океана прилетел».

Легкая, аккуратная небритость шла ему. Прямо мужественный актер Голливуда. Он был похож на Майкла Фассбендера – рыжего немца с ирландскими корнями, который впервые появился в британском сериале «Пуаро». Красавец был предельно обходителен в выражениях. Он даже хотел показаться другом. Мастерски внедрялся в душу новобранцев. Создавалось впечатление, что он понимал солдатский быт и даже сочувствовал. Говорил он четко и по делу. Ничего лишнего. Его речь сводилась к тому, что великий воинский долг существует во всех армиях мира и при любом социальном строе без исключения.

– Вспомните ваших дедов и прадедов. Разве они не стояли насмерть, обороняя Киев, и сдали его только когда им зашли с тыла. А чтобы с вами сделали коммунисты, если бы вы, по-

пав под обстрел, даже не вступив в бой, разбежались под стенами Москвы? Провинившуюся часть бы построили и расстреляли каждого десятого, каждого пятого или даже каждого третьего. И это было бы правильным решением. А вы не забыли приказ 227, «Ни шагу назад», заградотряды с пулеметами в тылу. Бросил позиции – смерть! Ладно, коварные коммунисты, но кто не знает великого Хемингуэя. Он писал, когда сражался в итальянской армии, что за аналогичные поступки не просто расстреливали, но и лишали семью правовой поддержки. Выставляли у дома караул солдат, и любой мог ограбить, изнасиловать, убить родственников нерадивого солдата, который оставил поля боя. И это цивилизованная Европа, это Италия. Как же вы предлагаете поступать нам?!

Это была чудесная речь достойная Гарварда или даже наверно спича президента США. Он любовался собой. И не безосновательно.

Наконец слово передали представителю бригады. Блестящие речи кончились. Нас сухо предупредили, что больше такого поведения командование терпеть не будет и за вторичное бегство с поля боя или переход к противнику нас безоговорочно расстреляют.

– Интересно как расстреливать они стали бы тех, кто сиганул на ту сторону? – шепнул Гаврилов и недоуменно посмотрел на меня, – или сепаратисты бы пригласили их для совершения экзекуции лично?!

– Но порядок в армии должен быть, – согласился я. – Они

правы. Тут не поспоришь.

– Да! Говорят хорошо, чудесно, но забыли, как пришли, скинули избранного президента, совершили переворот, а теперь их защищай. Их гребанную власть. «Москва за нами». Лермонтова забыл лощеный. Либерасты проклятые, с заокеанскими деньгами. Тьфу! Красивая шелуха! И так во всем. Все держится на лжи. Дедов вспомнили, враг-то не у стен Киева, да и враг ли он?! Вот в чем вопрос.

– Да! ... Быть или не быть. Извечный вопрос, – заявил я, вспомнив Гамлета. Но Гаврилова было так просто остановить.

– А кто ответит за старлея, очкарика, сдернутого с запаса без переподготовки; за отсутствие разведки, боевого охранения; за неработающие рации; ржавые патроны, которые может, вообще не стреляют; воровство на каждом шагу, рукоприкладство; да вообще за беспредел этого долбаного бардака, что зовется украинской армией?

– Не распыляйся, – посоветовал я.

– Я понимаю, тех, что обороняли Москву, тех ополченцев, брошенных в бой без подготовки с одной винтовкой на двоих, троих. Их некогда было учить, не было оружия, артиллерии, танков, и люди шли на смерть. Они понимали, что гибнут, но понимали за что. Выхода не было. А у нас что? «Строиться и в бой бараны?! Родина в вас нуждается?!», это все что они умеют, но иногда в серебристую бумажку завернут, – упорствовал он, и выражение лица у него было жест-

ким.

– Гаврик, Гаврик! Остынь!

Распустили нас, когда уже начало темнеть и невидимая кукушка стала тревожно считать, сколько нам осталось. Тут главное не начинать считать. Неизвестно что у нее на уме.

Ярмарка смерти

Во второй бой роту бросили так же, как в предыдущий. Подняли по тревоге. Мы ничего не поняли и нам ничего не объяснили. Дело намечалось какое-то уж очень необычное. Нам выдали боезапас, забрали документы, все личные вещи и приказали выдвинуться в квадрат N, это около 10 километров по прямой, а с зигзагами еще больше.

– Диман! В каких случаях забирают документы? Ты что-то понимаешь? – недоуменно спросил я, обращаясь к Гаврилову.

– Я нет.

– И я нет.

– Да! Какая-то хрень!

– Действительно хрен поймешь!

Прямо, по курсу нашего движения, было беспокойно, доносилась сильная канонада. Впереди над кромкой леса высвечивались сполохи. Что-то горело, и отсветы пламени тревожно освещали облака. Иногда они почти затухали, и превращались в узкую горизонтальную полосу красного цвета. Будто закат прятал последние лучи солнца за горизонтом. Канонада слабела, становилась глуше. Но вдруг облака вновь освещались желтым, выхватывая из ночи кромки близких деревьев. Желто-красные отблески, затухая в одном месте, вспыхивали справа и слева, а в отдельные моменты

все озарялось ярким белым светом, таким белым, что видно было уже белые клубы дыма, которые стелились по горизонту. Будто там далеко невидимый паровоз беззаботно выкидывал облачка пара, и их тянуло ветром, не позволяя подниматься.

Рота шла с разведкой, головной заставой, охранением, даже арьергард был, как положено. Война учила быстро.

– Не иначе в тыл врага хотят направить? – предположил Гаврилов. – Решим судьбу войны тайной вылазкой.

– Ага запустят в такой райский уголок, по сравнению, с которым гавно может сойти за изюм! – заявил Новиков,

– А вот каркать не надо! – обрезал Гаврилов.

– А что я сказал?

– На войне словами не кидаются. Сбываются.

Мы с Новиковым одновременно посмотрели на него. Но он и не думал шутить. Диман был не из робкого десятка. Тут было другое. Некоторым людям в минуты чрезвычайных событий, удается по каким-то признакам почувствовать, предугадать грозящую опасность.

Через пару часов ходьбы мы устали, цветная какофония горизонта стала ближе, и ярче засветили многочисленные сполохи ракет. Они неохотно поднимались над лесом и так же медленно падали. Все вспышки были белые скучные и совсем не были похожи на праздничный салют.

В этот раз мы дошли без приключений. Ночь была нашей союзницей и еще не рассвело. Необходимо было занять по-

зицию у дороги. Но ни окопов, ни укрытий не было и команды тоже. «Чего ждем? – мелькали тревожные мысли в голове. – Дорога пустынная». Пробирал озноб. Нас предупредили, что, если сильно припрёт, отойти мы могли только в ближайшую рощицу с озерцом, и по рации подтвердить отход.

Минут через пятнадцать бесцельного стояния, подогнали ещё каких-то, не лучше нас, оборванцев из-под Богодуха.

– Харьковчане – братаны!

– Привет пацаны! Повоюем?!

– Заметано!

Они расположились на одной стороне, мы на другой. Главное не перемешаться. Стало сразу спокойней. Дружеское плечо. Немного отлегло. Мы не одни. Договорились если что помочь друг другу. А что делать дальше, какая у нас задача, нам не объяснили. Они знали не больше нашего.

Наконец поступила запоздалая команда врыться в землю. Стали окапываться, травить анекдоты, курить. Не выкопали и трети положенного, как с рассветом нас накрыло. И сильно.

– Ни хрена себе!

– Бля! Они что там? Охерели?!

– Дышать уже нечем!

«Сепара» вычислили нас и минут десять гвоздили тяжелой артиллерией. Деревья переламывало или выворачивало с корнем, и они хлестко падали на дорогу. «У-х-х! Джи-и-иик!» Или мягко валились в лес, ломая кустарник. Богодуховские куда-то пропали. Вот и взаимопомощь?! Мы оста-

лись одни.

А когда совсем рассвело, «сепара» обнаглели и по нам, помимо артиллерии, стали работать вражеские снайперы. «Вжик-вжик». Если услышал не страшно, но там продолжают. Может следующий «вжик» ты не услышишь. Значит он нашел тебя. Неприятно. Головы вжаты в землю. Мины из-за косогора взлетали и сыпались на нас; выметали косой все живое, жестко воняли тротилом, дымились воронками. Мы не огрызались. Непонятно было куда стрелять. Врага не было видно. Минометная батарея стреляла из-за пригорка, тяжелая батарея, тем более была нам не доступна, а вражеские снайперы хорошо замаскированы. Наши окопы получились такие мелкие, что головы, было не поднять.

– Наверно мы у них в тылу! – предположил Новиков. – Со всех сторон лупят. Как в мышеловку залезли.

Спустя полчаса, из перелеска, лязгая гусеницами, выехала БМП -1. Она была обложена мешками с песком и дополнительно на бока, были приварены металлические решетки. БМП рывком развернулась и нахально и безнаказанно стала обстреливать нас издалека. 73- мм гладкоствольное орудие неторопливо и методично посылало в нашу сторону осколочно-фугасные снаряды. А мы имели только автоматы! Самое сильное вооружение – подствольник у командира роты. Хоть бы пару гранатометов дали на такой случай. Но об этом приходилось только мечтать. Мы жались в наши мелкие канавы больше похожие на могилы. Сзади маячил спаситель-

ный лес. Он был в ложбинке, чуть ниже и не просматривался со стороны «сепаров».

– Да еб*ный в рот. Сколько можно! – крикнул кто-то. – Просто так умирать не хочется!! Бежим!

Как по команде мы бросили свои ненадежные окопчики и подхватив раненых откатились в рощу. Попрятались за стволы деревьев, начали вновь окапываться, а кто-то занялся ранеными. Старлея, еще в самом начале контузило, он был бледный и вращал глазами как ненормальный, но держался. Он отпрапоровал по радиостанции, об отходе, как было уговорено, и отчаянно зажал голову руками. Радист совал ему какие-то таблетки, но его безостановочно рвало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.